

С. В. ГАВРИЛОВ

ЛЕТОПИСЕЦ КУРИЛЬСКОГО ДЕСАНТА

*Мы только лишь за берег зацепились,
И грянул бой за высоту вдали.
А склоны сопок пылью заклубились, —
То танки самурайские пошли...*

В. С. Акшинский, «Танки горят»,
1946 г.

В основу этой статьи положены материалы, составляющие личный фонд педагога, журналиста, поэта, воина-политработника Василия Семёновича Акшинского (1912—1986), жившего, работавшего и служившего в Красной Армии на Камчатке в 1930—1946 гг. Многим камчатцам он памятен как автор документальной повести «Курильский десант», одной из немногих обобщающих работ, показывающих ход заключительной боевой операции Второй мировой войны на Северных Курилах.

После его кончины в Москве в апреле 1986 г. семья решила передать значительную часть накопленного за многие годы поисковой работы личного архива в тогда Камчатский областной краеведческий музей. За это ей было предложено денежное вознаграждение. В письме, адресованном в музей, 8 февраля 1990 г. его родные сообщили по этому поводу: «Наш семейный совет решил, что сам Василий Семёнович не одобрил бы финансовых действий. Поэтому мы просто передаём в дар краеведческому музею Петропавловска-Камчатского большую часть переписки и документов, оговорив для себя возможность при возникшей надобности обратиться к этим фондам... В отношении личных документов и стихов семейный совет решил никуда их вообще не отдавать, хранить в семье как память о своих корнях» [КОКМ ОФ 30490/1].

В настоящее время фонд В. С. Акшинского (музейный учётный номер 179) включает 1 028 единиц хранения. Его первые материалы (одиннадцать фотографий, большей частью довоенного времени) отправились из столицы заказным письмом на наш полуостров 7 февраля 1990 г. Их датировала и аннотировала супруга В. С. Акшинского — Алевтина

Фёдоровна Акшинская (1914—1993) — частью ещё по «горячим следам», то есть непосредственно после запечатлённых событий, частью — много лет спустя, по памяти, в 1990 г.

12 апреля 1990 г. была послана вторая партия — девять копий различных документов периода 1931—1937 гг. и столько же аннотированных фотографий. Основная же часть содержимого фонда поступила в музей в 1990 г. почтовыми бандеролями, и была передана членами семьи в ходе посещения Петропавловска в сентябре, когда отмечалась сорок пятая годовщина освобождения Курильских островов.

Большую часть фонда, помимо личных документов семьи Акшинских, составляют собранные в ходе многолетней исследовательской работы фотоматериалы, касающиеся истории Курильской десантной операции и её участников, а также переписка с ветеранами боевых действий и различными организациями. Она велась В. С. Акшинским в 1976—1986 гг. и легла в основу многих его печатных работ, в первую очередь «Курильского десанта».

Василий Семёнович Акшинский родился 9 мая 1912 г. на прииске Амгунь, что располагался в нижнем течении реки Амур. Его отец — Семён Иванович Акшинский, некогда бедный крестьянин из села Буда Инсарского уезда Пензенской губернии, — в то время был стражником-золотовозом. Он сопровождал обозы с драгоценным металлом от места добычи до пункта сдачи. Обращаться с оружием умел — рядовым участвовал в русско-японской войне. (В судьбе его сына два этих факта — рождение 9 мая и участие отца в войне с японцами — оказались глубоко символическими.) После демобилизации Семён Иванович остался на Дальнем Востоке, вначале был поваром на приисках, затем стал стражником. В 1912 г. он вернулся на родину, в Пензенскую губернию, а в 1914 г., с началом Первой мировой войны, вновь был призван в армию, направлен на фронт и погиб, как позже писал его сын в автобиографии, «где-то под Карпатами».

Мать — Анисья Ивановна (урождённая Фирцинова) — дочь крестьянина-переселенца на Дальний Восток из Цент-

ральной России. С детских лет ей пришлось познакомиться с тяжёлым трудом, работать «по людям» — нянкой, кухаркой, прачкой.

С началом голода в Поволжье в 1918 г. оставшаяся без отца семья вернулась на казавшийся более благополучным Дальний Восток. Но и здесь её жизнь оказалась несладкой. Дети, которых у овдовевшей матери было трое (Василий, его брат и сестра), ввиду сурового безденежья с 1919 по 1921 г. воспитывались в детском доме в г. Хабаровске. В 1921 г. Анилья Ивановна вторично вышла замуж за Г. Г. Сайфулина, умершего в 1947 г.

До 1930 г. Василий учился и подрабатывал. Вначале окончил школу-семилетку, затем — школьное отделение педагогического техникума в г. Хабаровске. Летом 1930 г. Дальневосточным краевым отделом народного образования направлен учителем на Камчатку. В восемнадцатилетнем возрасте у него, наполовину сироты, хлебнувшем лиха, началась совсем взрослая жизнь. Ровно два года, с 1 сентября 1930 по 1 сентября 1932 г., он не только учительствовал, но и заведовал школой первой ступени села Привольное, что в Усть-Большерецком районе. «К работе относился добросовестно и аккуратно, а также принимал активное участие в общественно-политической работе на селе» [КОКМ ОФ 33441/69]. В 1931 г. Василий вступил в комсомол.

В летнее путинное время, одновременно школьные каникулярные, работал мотористом катера. Все эти серьёзные занятия воспитали в нём самостоятельность и ответственность. Заметив это, сельчане избрали Василия членом Привольненского сельсовета. В это же время он начал писать первые заметки в местную районку, выпускал стенгазету, в чём достиг определённого мастерства, обратив на себя внимание «вышестоящих инстанций». 1 сентября 1932 г. юношу вызвали в районный центр — посёлок Усть-Большерецк, где доверили вполне серьёзную «идеологическую» должность — временно исполняющего обязанности ответственного редактора газеты «Ударник промыслов», органа районных комитетов ВКП(б), исполнительного комитета и совета

профсоюзов. В январе 1933 г. Привольненский сельсовет делегировал его на районный съезд Советов.

1 июля 1933 г. Василия назначили ответственным секретарём редакции, коим он был по 4 октября 1933 г. За это время стал «ударником печати»: «обеспечил точную, бесперебойную работу газеты. Активный корреспондент “Камчатской правды”». Местная пограничная охрана в лице морского контрольно-пропускного поста «Большерецк» разрешила ему при исполнении служебных обязанностей перемещаться по закрытой для посторонних пограничной полосе между селениями Кихчик и Озерная [КОКМ ОФ 33441/70, 71].

В сентябре 1933 г. за отличную профессиональную деятельность его наградили серебряным портсигаром. Эту премию учредила Дальневосточная краевая комиссия, организовавшая конкурс на лучшую газету «по содействию выполнению финансового плана» за работу в четвёртом квартале 1932 и первом квартале 1933 г. К премированию представлен редакцией областной газеты «Камчатская правда» [КОКМ ОФ 33441/72]. Между прочим, родные не помнили этого портсигара, видимо, он расстался с ним, когда бросил курить.

В начале октября 1933 г. Василия отозвали в распоряжение райкома ВЛКСМ, где назначили секретарём совета физкультуры при Усть-Большерецком райисполкоме [КОКМ ОФ 33441/73—74]. Это назначение было не случайным. Он с юных лет был отлично развит физически, что неоднократно и показывал. В своё время переплывал Амур, а в лыжных состязаниях по маршруту Усть-Большерецк — рыбоконсервный завод № 5 протяжённостью двадцать пять километров, состоявшихся 23 февраля 1933 г., занял первое место, затратив на прохождение дистанции два часа три минуты и семнадцать секунд [КОКМ ОФ 33441/93].

Спустя короткое время Василия направили в распоряжение Камчатского обкома ВЛКСМ, и с декабря 1933 г. он жил в г. Петропавловске-Камчатском, трудился заведующим культурно-пропагандистским отделом обкома. «Переселение» в камчатскую столицу прошло весьма необычно. 26 ноября 1933 г. Усть-Большерецкий районный совет

Осоавиахима выписал ему удостоверение в том, что он «действительно совершает военно-физкультурный лыжный агитационный пробег» по маршруту Усть-Большерецк — Петропавловск «с целью укрепления военной работы и усиления внимания пушным заготовкам». По пути в редких селениях подразумевались его выступления с лекциями и беседами. Всем организациям и ячейкам оборонного общества предлагалось оказывать отважному лыжнику, шедшему в полном одиночестве, всемерное содействие [КОКМ ОФ 33441/75]. Пробег дался тяжело: он чуть было не замёрз во время пурги, но выжил, сумев добраться до жилья. По пути получал удостоверения о прохождении маршрута. Вот отметка о выбытии: «Вышел из Усть-Большерецка 26 марта в двенадцать часов дня. *Зампред райОСО*». А вот одно из свидетельств о посещении очередного пункта маршрута: «Прибыл у савхоз в пять часов вечера 26/XI-33. Вышел в одиннадцать часов дня 27/XI-33. *ПредРК*» [КОКМ ОФ 33441/75]. Помогло в пути и умение хорошо ориентироваться на местности и по звёздам, знание астрономии. (С лыжами он дружил и позже. За помощь в организации и проведении, а также активное участие во Всесоюзном комсомольском лыжном кроссе «Имени 23-й годовщины Рабоче-Крестьянской Красной Армии» 15 марта 1941 г. награждён грамотой Камчатского областного комитета ВЛКСМ и областным комитетом физкультуры и спорта [НВФ 2436/1]. Грамоту венчало жизненное изречение наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко: «Лыжный спорт, как и многие другие массовые виды спорта, тем и замечателен, что он вырабатывает в человеке волю и настойчивость, смелость и инициативу, физическую закалку и выносливость. Быть физически подвижным, бодрым, сильным и здоровым — это очень важно для каждого воина страны социализма».)

9 апреля 1934 г. Василия Семёновича по совместительству назначили специальным корреспондентом популярнейшей общесоюзной молодёжной газеты «Комсомольская правда» по г. Петропавловску-Камчатскому. Редакция «Комсомолки» обращалась ко всем организациям области с просьбой

«оказывать ему всяческое содействие в его работе» [ЖОКМ ОФ 33441/76].

Он неплохо знал историю, географию, занимался камчатским и дальневосточным краеведением, дважды восходил на Авачинский вулкан, причём в 1936 г. вместе с журналистом Е. Ф. Стебличем спускался в картер. Тот тогда имел глубину около семидесяти метров, неровное дно, одно из полуокружий было обрывистым, а другое, по коему и спускались по канату в противогазах, — «крутопологим». Об этой экспедиции, в те годы весьма редкой, сообщалось в «Камчатской правде».

С 10 мая 1933 по 17 октября 1937 г. Василий Семёнович являлся первым ответственным редактором газеты «Камчатский комсомолец», органа Камчатского обкома и Петропавловского горкома ВЛКСМ. Со словом «первый» применительно к нему мы ещё столкнёмся. Да вот хотя бы по такому поводу.

5 сентября 1935 г. он совершил первый на нашем полуострове учебный парашютный прыжок с высоты тысячи метров, покинув борт учебного самолёта У-2. За это получил нагрудный знак и разрешающее его носить удостоверение под № 1940, подписанное командиром эскадрильи, одним из первых камчатских авиаторов И. Пармичевым [ЖОКМ ОФ 33441/31].

5 сентября «Камчатская правда» сообщила по этому случаю: «Созданный трудящимися Камчатки аэроклуб под руководством славного начальника энской эскадрильи тов. Пармичева вчера внёс ещё один ценный вклад в дело социалистического освоения Камчатки. Под руководством инструктора парашютного дела тов. Афанасьева совершены первые парашютные прыжки с аэроплана женщинами Камчатки тт. Еленой Лев, Валентиной Клунниковой и комсомольцами Камчатки тт. Булимовым и Акшинским... Ваш пример будет крепко заразителен в борьбе нашей молодёжи за овладение воздухом. За парашютное дело, молодёжь Камчатки! Пламенный привет первым парашютистам Камчатки!» Все четверо смельчаков прыгали впервые, «без пред-

варительных тренировок на парашютной вышке», которая, кстати сказать, появилась в нашем городе лишь в 1938 г.

Тема парашютного спорта в жизни В. С. Акшинского получила развитие в 1936 г., во время его отпуска, проведённого на «материке». Находясь в Москве, он окончил парашютные курсы (за время обучения совершил девять прыжков с высоты шести сотен метров) и даже участвовал в традиционном авиационном параде на Тушинском аэродроме. 5 апреля 1936 г. ему выдано удостоверение инструктора парашютного спорта 2-й категории, тоже «с правом ношения нагрудного знака». Его новоявленный обладатель мог «вести самостоятельную учебную работу в качестве инструктора парашютного кружка, организационную в районе и городе, руководить прыжками с вышки аэроклубного типа, бесплатно обучаться полётам на самолётах У-2 в аэроклубах Осоавиахима СССР» [КОКМ ОФ 33441/32].

Произошли изменения и в личной жизни: 3 марта 1937 г. он вступил в брак с Алевтиной Фёдоровной Фоминой [КОКМ ОФ 33441/108], с которой счастливо прожил всю жизнь, воспитав трёх дочерей: Наталью (1935 г. р.), Галину (1937 г. р.) и Ирину (1944 г. р.).

Алевтина Фёдоровна была активной комсомолкой, участвовала во многих проводившихся в городе общественных действиях. Так, за помощь в проведении подписки на государственный заём «Имени второй пятилетки» была отмечена грамотой комиссии содействия государственному кредиту и сберегательному делу при президиуме Петропавловского горсовета за «проявленную инициативу в деле выполнения заданий партии и правительства по реализации займа» [КОКМ ОФ 33441/127]. А за хорошую производственную и общественную работу она удостоилась благодарности и грамоты исполкома горсовета по случаю «Международного коммунистического женского дня 8-го марта». Исполком выражал уверенность, что награждённая «и впредь будет в передовых рядах... тем самым укреплять могущество социалистической родины». Грамоту украшали слова самого товарища Сталина: «Женщина Союза ССР — это новая женщина,

активная участница в управлении государством, в управлении хозяйственными и культурными делами страны. Таких женщин не бывало и не могло быть в старое время» [КОКМ ОФ 33441/126].

Алевтина Фёдоровна вначале трудилась в Акционерном Камчатском обществе, затем в обкоме комсомола, позже учительствовала. За отличие в педагогическом деле как «лучший учитель неполной средней школы АКО им. Толстого, г. Петропавловска-на-Камчатке Дальневосточного края» награждена личной библиотечкой из тридцати девяти книг стоимостью 88 руб. 35 коп. — подарком народного комиссара просвещения РСФСР А. С. Бубнова. В 1937 г. он, старый большевик, бывший начальник Политуправления Рабоче-Крестьянской Красной Армии, поучаствовавший в троцкистской оппозиции, был репрессирован. Видимо поэтому на предлагавшейся к подарку листовке его фамилия оказалась дважды зачёркнутой [КОКМ ОФ 33441/107].

Между прочим, А. Ф. Акшинская не только участвовала, но и была в числе организаторов упомянутого выше первого городского парашютного кружка, вовлекла в него двух своих братьев, позже связавших жизнь с авиацией, да и самого Василия Семёновича [КОКМ ОФ 30490/1].

В 1938 г. В. С. Акшинский вступил в ВКП(б). С 6 февраля по 26 июня 1938 г. он трудился в Камчатском областном радиокомитете, был заведующим сектором «низового вещания». Одновременно два месяца являлся уполномоченным обкома партии в крупнейшем комбинате Западной Камчатки им. А. И. Микояна: 27 мая был командирован туда «для оказания практической помощи парторганизации в проведении партийно-массовой и политической работы в период рыбной путины» [КОКМ ОФ 33441/49, 78].

13 июля 1938 г. решением Камчатского областного комитета партии ему доверена ответственная идеологическая работа в редакции главной и хорошо ему знакомой областной газеты «Камчатская правда». Здесь он сотрудничал в общей сложности четыре года. Вначале был ответственным секретарём, затем с 25 сентября 1939 по октябрь 1940 г. — заме-

стителем ответственного редактора и последние два года — ответственным редактором.

На этом посту его застала разразившаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война. С первых её дней он рвался на фронт, не раз писал рапорты, но получал отказы. Вот текст его обращения, адресованного 15 апреля 1942 г. секретарю обкома ВКП(б) Г. Ф. Аксёнову: «Кровь наших братьев и сестёр, павших в боях с фашистскими захватчиками, пепелище разрушенных городов и сёл, невыносимые страдания замученных гитлеровскими палачами пленных красноармейцев, обесчещенных матерей и девушек, безвинных детей и стариков — вызывают к мщению. В эти грозные годы войны сердце кипит ненавистью к наглому, подлому врагу. Хочется быть в гуще яростных сражений и с оружием в руках громить зарвавшихся оккупантов.

Я на Камчатке честно и напряжённо работал двенадцать лет. Здесь возмужал, закалился политически, стал коммунистом. Трудился на благо Родины, не жалея ни сил, ни своих знаний. Думаю, что это даёт мне право удостоиться высокой чести — быть в рядах Красной Армии, быть посланным в действующую армию. Прошу бюро обкома ВКП(б) послать меня с очередным призывом. Готов выдержать любые трудности и испытания. Звание большевика оправдаю. Буду бить фашистов, не щадя собственной крови и жизни» [ГАКК, ф. П-2, оп. 2, д. 456, л. 2].

Определённый воинский опыт у него уже имелся: числился по военно-политическому составу, а с 26 мая по 16 августа 1939 г. прошёл переподготовку на курсах усовершенствования командиров во Владивостоке, имел звание «политрук запаса» [КОКМ ОФ 33441/58].

Просьбу о призыве уважили, но на фронт он так и не попал: был оставлен на полуострове, направлен политработником в части главной местной воинской силы — 101-й горнострелковой дивизии, затем переформированной в просто стрелковую. С мая 1942 по май 1943 г. — комиссар и заместитель командира по политчасти 1-го дивизиона 428-го гаубичного артиллерийского полка Резерва Главного Командования,

с мая 1943 по февраль 1946 г. — парторг 279-го артиллерийского полка, а с февраля по май 1946 г. — агитатор политотдела 645-й артбригады.

Участвовал в боевых действиях на Курилах. При высадке десанта на остров Шумшу под сильным огнём противника шёл к берегу в одной шлюпке с орудийным расчётом и его командиром старшим сержантом В. З. Голубевым. Здесь же находилось разобранное на части орудие. Осколки снарядов изрешетили диск автомата, висевшего на груди Василия Семёновича, спасшего ему жизнь. О том, как эти бойцы с ходу вступили в бой, рассказывается в его книге «Курильский десант»:

«Командир орудия второй батареи 279-го артиллерийского полка старший сержант В. З. Голубев, учитывая недостаток высадочных средств, предложил вывезти его орудие в разобранном виде на судовой шлюпке, захватив при этом вместе с расчётом орудия и несколько ящиков снарядов. Высадка прошла удачно. На берегу орудие собрали. Солдаты и матросы вручную катили его от одной позиции к другой. Отважные артиллеристы подавили несколько вражеских огневых точек, но и их орудие было подбито. При этом погиб отличный наводчик, комсорг батареи, младший сержант Пётр Коновалов. Он посмертно представлен к награждению орденом Ленина. Весь расчёт этого орудия получил правительственные награды, а старший сержант В. З. Голубев удостоен ордена Красной Звезды. Это был исключительно дружный и слаженный расчёт... Об этом я знаю не понаслышке, а потому, что все они были моими однополчанами и ещё потому, что я вместе с ними высаживался на Шумшу и, как старший по званию, руководил боевыми действиями этого огневого расчёта (был парторгом полка в звании капитана, имея боевую подготовку в объёме командира батареи). Вместе с ними мне довелось получить и правительственную награду — орден Красной Звезды».

В годы войны его супруга Алевтина Фёдоровна продолжала работать по специальности, и весьма успешно, в теперь уже ставшей средней школе им. Л. Н. Толстого, что стояла

на улице Ключевской в АКОграде. Как и многие другие труженицы тыла, 15 апреля 1942 г. она завершила обучение на курсах медсестёр запаса при обкоме общества Красного Креста. А. Ф. Акшинская являлась общественным инспектором областного и городского отделов народного образования, ей поручалось проводить обследование школ и оказывать учителям необходимую методическую помощь [КОКМ ОФ 33441/110].

7 сентября 1944 г. в школу спешно доставили «высшую правительственную телеграмму» следующего содержания: «Петропавловская-на-Камчатке средняя школа им. Толстого. Директору школы тов. Петровой, копия секретарю парт-организации тов. Акшинской... Прошу передать учащимся и учителям средней школы им. Толстого, г. Петропавловск-на-Камчатке, собравшим шестнадцать тысяч шестьсот шестьдесят шесть рублей на строительство авиаэскадрильи “Камчатка — фронту” и пять тысяч рублей в фонд помощи детям-сиротам Отечественной войны, мой горячий привет и благодарность Красной Армии. *И. Сталин*» [КОКМ ОФ 33441/112]. Оригинал этого редкого документа вернулся на Камчатку и оказался в фондах нашего музея вместе с другими материалами, переданными семьёй Акшинских.

А 5 января 1945 г. стало известно о награждении Алевтины Фёдоровны весьма редким в то время на «гражданке» орденом «Знак Почёта». В адрес нового кавалера пришли поздравления от обкома партии и облисполкома: «Горячо поздравляем Вас с правительственной наградой... Глубоко уверены, что высокая правительственная награда вдохновит Вас на ещё более плодотворную и самоотверженную работу в деле воспитания подрастающего поколения высококультурными, активными строителями коммунистического общества, в воспитании в наших детях чувства безграничной любви и преданности советской отчизне и коммунистической партии большевиков. Желаем Вам, Алевтина Фёдоровна, много лет здоровья и сил» [КОКМ ОФ 33441/115]. Отозвался на награждение и командующий Камчатским оборонительным районом генерал-майор А. Р. Гнечко: «Поздравляю...

с высокой правительственной наградой... Желаю Вам здоровья и успеха Вашем благородном труде по обучению и воспитанию наших советских ребят» [КОКМ ОФ 33441/119].

В марте 1945 г. на VI городской партийной конференции её избрали в состав Петропавловского городского комитета ВКП(б), насчитывавшего сорок семь человек [КОКМ ОФ 33441/116].

На февраль 1946 г. были намечены первые послевоенные выборы в советский «парламент» — Верховный Совет СССР. К ним готовились основательно, выделяя для организации избирательной кампании достойнейших людей. «На партийном собрании коммунистов горисполкома стоял один вопрос — выдвижение кандидатуры в состав участковой избирательной комиссии. Коммунист тов. Арсеев предложил выдвинуть кандидатом в члены участковой комиссии члена ВКП(б) тов. Акшинскую. Предложение тов. Арсеева поддержали другие коммунисты. Партийное собрание единодушно решило выдвинуть кандидатом в члены участковой избирательной комиссии избирательного участка № 397 члена ВКП(б) инспектора горно, орденоносца Алевтину Фёдоровну Акшинскую» [КОКМ ОФ 33441/117].

В мае 1946 г. Хабаровский крайком ВКП(б) ходатайствовал о демобилизации В. С. Акшинского из армейских рядов. Его уволили в запас 6 июня 1946 г. в звании капитана [КОКМ ОФ 33441/54] (в нём его и исключили с воинского учёта в 1967 г.). За годы воинской службы он был награждён орденами Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды, медалями «За победу над Японией», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». позже к ним добавились юбилейные. Вскоре его утвердили ответственным редактором областной газеты «Красное знамя», печатного органа партийной организации Южно-Сахалинской области (ранее части острова, занятой японцами по итогам войны с Россией в 1904—1905 гг.). Здесь трудился до момента слияния Южно-Сахалинской и Сахалинской областей (это произошло в 1947 г.). В июне 1947 г. стал лектором обкома ВКП(б) [КОКМ ОФ 33441/91]. Супруги

работали вместе: А. Ф. Акшинской была доверена ответственная должность инструктора обкома партии.

Из партийной характеристики В. С. Акшинского, подписанной секретарём Сахалинского обкома ВКП(б) П. Мельником 11 июня 1947 г.: «Политически грамотен, систематически работает над повышением своего общеобразовательного и политического уровня, самостоятельно изучает основы марксизма-ленинизма, произведения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Работая ответственным редактором южно-сахалинской областной газеты “Красное Знамя”, принимал активное участие в жизни партийной организации области, систематически выступая с докладами и лекциями. Идеологически выдержан, морально устойчив. Пользуется деловым авторитетом среди партийного актива и трудящихся» [КОКМ ОФ 33441/82].

Решением бюро Сахалинского обкома ВКП(б) от 6 июня 1947 г. Василий Семёнович откомандирован на учёбу в Высшую партийную школу (ВППШ) при ЦК ВКП(б) [КОКМ ОФ 33441/83]. Для поступления туда потребовался документ о среднем образовании. Но никакого свидетельства или аттестата об окончании педагогического техникума он в своё время не получил. Дело в том, что по действовавшему тогда порядку документ выдавался только после обязательной работы по полученной специальности. Пришлось собирать свидетельства о том, что он на самом деле получил педагогическое образование. Это с формулировкой «с 1928 по 1930 г. я учился вместе с В. С. Акшинским в Хабаровском педагогическом техникуме. Мне доподлинно известно, что товарищ Акшинский В. С. окончил техникум и был назначен на работу на Камчатку, где он и учительствовал два года» в июле 1947 г. подтвердили его сокурсники С. Рослый, Т. Степанова и А. Кириченко. Последний указал, что «документов об окончании техникума тов. Акшинский, как и все выпускники, не получил, ввиду существовавшего в то время положения (необходимо было отработать три года за госстипендию)». Это же засвидетельствовал и его бывший преподаватель К. Мельников [КОКМ ОФ 33441/64—67].

Василий Акшинский, 1933 г.
[НВФ 2436/31]

В. С. Акшинский, 1937 г.
[КОКМ ОФ 33441/40]

После призыва в РККА, 1942 г.
[КОКМ ОФ 33441/38]

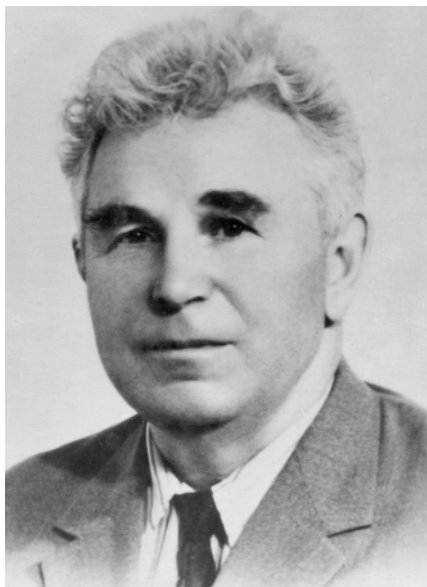
Политрук Акшинский, 1942 г.
[НВФ 2436/33]

Капитан Акшинский, 1946 г.
[НВФ 2436/34]

В Пекине, 1955 г.
[КОКМ ОФ 33441/42]

В Москве, 1972 г.
[КОКМ ОФ 33441/43]

Последнее прижизненное фото
[КОКМ ОФ 33441/165]

ВЕСОЮЗНЫЙ
Ленинский Коммунистический Союз
Молодежи
КАМЧАТСКИЙ ОБКОМ ВЛКСМ

№ 154 1934 г.

г. Петропавловск-Камчатский.

Секретарь Камч. Обкома ВЛКСМ Ростов (Подпись)
Секретарь Петропавловского
Горкома ВЛКСМ Наликин (Подпись)

Удостоверение

Тов. АКСИНСКИЙ В. С. является
редактором газеты «Камчатский
Комсомолец» орган Камчатско-
го Обкома и Петропавловского
Горкома ВЛКСМ.

Действительно по 1.11.1934 г.

Лица подпись В. Акшинский

Срок удостоверения продлен
по 31.12.1937 г.
Секретарь ОК ВЛКСМ Силин 55

Удостоверение редактора газеты «Камчатский комсомолец»
В. С. Акшинского, 1934 г. [ККМГИ 33441/55]

М. П.

Наталий, Политотдела
101 Стрел. дивизии
Полтавского
Полка Командира
начальника части

Серия ДН 000001. № 173448

УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

1. Предъявитель сего Акшинский
Василий Васильевич
(фамилия,
имя и отчество)

состоит на действительной военной службе
в 279 Легко-артиллерийском полку
101 Стрел. дивизии, Двфронта
(наименование части)

1

Удостоверение личности военнослужащего 279-го легко-
артиллерийского полка, [ККМГИ 33441/56]

Серия О
07579

Акшинский
(Фамилия)
Василь
(Имя)
Семёнович
(Отчество)
В. Акшинский
(личная подпись владельца билета)
Б-345316

Военный билет выдан
6 ноября 1948 г.

Старший Райвоенкомат
Советского РВК гор.
(должность, звание, подпись)

Серия О

І. ВОЕННО-УЧЕТНЫЕ ДАННЫЕ

1. Род войск (служба) Полит. состав.
ВУС № 240

2. Военное звание Ранитан.

3. Запас III разряда _____ разряда

4. Должность Инструктор полит-
отдела Бригады.

5. Должен состоять на учете по 31 декабря
1949 года Состоял по учету
по 31 декабря 1949 г.

Военный билет офицера запаса, 1948 г. [ККМГИ 33441/54]

С Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым
[КОКМ ОФ 33441/44]

Во время празднования юбилея газеты «Камчатский комсомолец»,
Петропавловск-Камчатский, 1974 г. [КОКМ ОФ 33441/45]

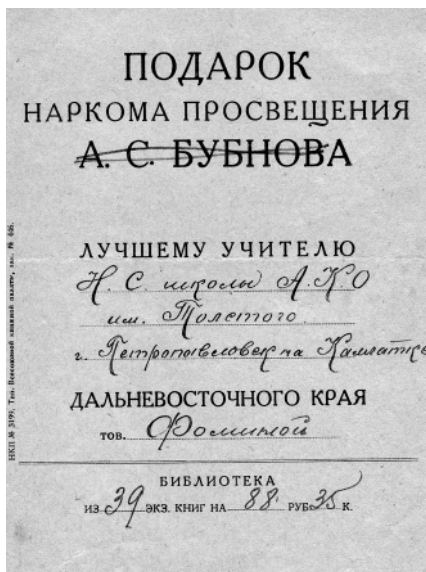
Ударная комсомольская бригада АКО, 1933 г. В нижнем ряду справа в светлом платье — Аля Фомина [ККМГИ 30490/173]

Актив Петропавловского горбюро ВЛКСМ, 1934 г. Сидят слева — А. Ф. Фомина и В. С. Акшинский [ККМГИ 30490/172]

А. Ф. Акшинская, 1938 г.
[КОКМ ОФ 33441/48]

«Лучшему учителю тов. Фоминой»
[КОКМ ОФ 33441/107]

Алевтина Фёдоровна и Василий Семёнович Акшинские,
Москва, 1976 г. [КМГИ 30490/173]

Коллектив средней школы им. Л. Н. Толстого в Петропавловске, 1935 г. В центре, рядом с завучем М. М. Верещагиным — учительница начальных классов А. Ф. Фомина [ККМГИ 30490/190]

9/7 1015
 119 МОСКВЫ 2635 76 9 4 46
 ВЫСШАЯ ПРАВЛ ПТР КАМЧ
 СЕКРЕТАРЮ ПАРТОРГА ИЗАМИ ТОВ
 АКШИНСКОМУ
 ДИРЕКТОРУ ШКОЛЫ ТОВ ПЕТРОВСКОМУ КОПИЯ СЕКРЕТАРЮ ПАРТОРГА ИЗАМИ
 ТОВ АКШИНСКОМУ КОПИЯ СЕКРЕТАРЮ КОМИТЕТА ВЛКСМ ТОВ КЛИМОВСКОМУ КОПИЯ
 ПРЕДСЕДАТЕЛЮ МЕСТНОГО ТОВ ВЕЛОХВОСТОВУ
 ПРОШУ ПЕРЕДАТЬ УЧАЩИМСЯ И УЧИТЕЛЯМ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ИМ ТОЛСТОГО Г
 ПЕТРОПАВЛОВСК НА КАМЧАТКЕ СОБРАШИМ ШЕСТНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ ШЕСТЬСОТ
 ШЕСТЬДЕСЯТЬ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ НА СТРОИТЕЛЬСТВО АВАИСКАДРАЛЫ КАМЧАТКА
 ФРОНТУ И ПЯТЬ ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ В ФОНД ПОМОЩИ ДЕТАМ СИРОТАМ ОТЕЧЕСТВЕН
 НОЙ ВОЙНЫ МОИ ГОРЯЧИ ПРИВЕТ И БЛАГОДАРНОСТЬ КРАСНОЙ АРМИИ
 И СТАЛИН

Телеграмма Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина
 [ККМГИ 30490/190]

„ЗА ПОБЕДУ НАД ЯПОНИЕЙ“

Г № 102736

УДОСТОВЕРЕНИЕ

ЗА УЧАСТИЕ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ
ПРОТИВ ЯПОНСКИХ
ИМПЕРИАЛИСТОВ

Ахшинский

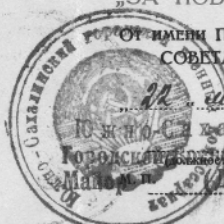
Василий

Семенович

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР от 30 сентября 1945 года
НАГРАЖДЕН МЕДАЛЮ

„ЗА ПОБЕДУ НАД ЯПОНИЕЙ“

ОТ ИМЕНИ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР МЕДАЛЬ ВРУЧЕНА

22 сентября 1947 года

Генерал-майор *С. С. Сухомлиновский*

Городской комитет КПСС, военное звание и подпись лица,
получившего медаль
Д. Ф. Бурлака
вручившего медаль

Удостоверение к медали «За победу над Японией»

В. С. Акшинского, 1947 г. [ККМГИ 33441/15]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ № 2658

Тов. *Ахшинский*

Василий Семенович

на торжественное заседание Московского городского и Московского областного комитетов КПСС, Московского городского и Московского областного Советов депутатов трудящихся с участием представителей общественных организаций, трудящихся столицы и области и Советской Армии, посвященное

50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Торжественное заседание состоится 6 ноября 1967 г.
в Кремлевском Дворце съездов.

Начало в 14 часов.

(Действителен при предъявлении документа).

Пригласительный билет на торжественное заседание,
посвященное 50-летию Великой Октябрьской
социалистической революции, 1967 г.

[ККМГИ 33441/99]

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков)

САХАЛИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ

УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ № 91

Предъявитель сего тов. Акишинская
Алевтина Федоровна действительно является
членом ВКП(б) Сахалинского
обкома ВКП(б)

Удостоверение действительно по
31 декабря 1948 г.

Секретарь Сахалинского
обкома ВКП(б) Каневский

15 февраля 1948 г.

Личная подпись
владельца удостоверения Акишинская

Сахалинский
Областной Комитет
ВКП(б)
076

Удостоверение сотрудника Сахалинского обкома ВКП(б)
А. Ф. Акишинской [ККМГИ 33441/55]

Справка

дана Акишинской

Алевтине Федоровне в том, что она работала в качестве преподавателя лексикологии на факультете русского языка Пекинского Педагогического института с ноября 1955 года по август 1957 г.

Освобождена от работы в связи с окончанием срока командировки мужа и отъездом на Родину.

Пекинский Педагогический институт

高 职 证 明 书

阿立夫吉娜·费德洛夫娜·阿柯申斯卡娅同志自

1955年11月来我校俄籍系任教，至1957年

8月离校返国，特此证明。

北京师范大学

1957年8月24日

Справка А. Ф. Акишинской, выданная Пекинским педагогическим институтом [ККМГИ 33441/119]

пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОПУСК № 04649

Тов. Акишинская
Алевтина Федоровна

НА КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ В ДЕНЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАЗДНИКА ТРУДЯЩИХСЯ

1 Мая 1966 года

Т р и б у н а А

Действителен при предъявлении документа

1 МАЯ

Пропуск на Первомайскую демонстрацию на Красную площадь, 1966 г. [ККМГИ 33441/123]

A close-up photograph of a Soviet Order of Patriotic War medal. The medal is circular and features a profile portrait of a man facing left. The text "ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА" (Patriotic War) is inscribed around the top edge, and "1941-1945" is at the bottom. The medal is attached to a ribbon with diagonal stripes.

М. П. *Министр*
(подпись и подпись лица
предоставившего медаль)

23

На основании этих заявлений Хабаровский краевой отдел народного образования 30 июля 1947 г. выписал ему справку о том, что «он действительно окончил Хабаровский педагогический техникум (школьное отделение) в 1930 г. Справка выдана на основании трёх свидетельских показаний на предмет предъявления в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б) взамен свидетельства об окончании техникума, которое тов. Акшинский не получил» [КОКМ ОФ 33441/63].

14 июля 1950 г. В. С. Акшинский окончил полный курс обучения ВПШ и сдал государственные экзамены в соответствии с учебным планом, а 17 декабря 1949 г. одолел кандидатский минимум по английскому языку с оценкой «отлично» [ККОМ ОФ 33441/84, 85]. Английским он стал заниматься самостоятельно ещё на Камчатке, а уже в Москве начал изучать вместе с преподавателем китайский язык, совсем скоро очень пригодившийся.

С сентября 1950 по март 1955 г. Василий Семёнович трудился инструктором, заместителем заведующего сектором отдела пропаганды и агитации в высшей партийной инстанции — самом ЦК ВКП(б), а с 1952 г. — ЦК КПСС. Затем последовала трёхгодичная командировка в тогда дружественный и союзнический Китай. Здесь до декабря 1957 г. он был заместителем секретаря объединённого парткома при посольстве СССР в КНР в г. Пекине. Его супруга в это время преподавала лексику на факультете русского языка Пекинского педагогического института, одновременно занималась и привычной общественной работой — председательствовала в посольском женсовете [КОКМ ОФ 33441/120, 121].

По-китайски Василий Семёнович говорил настолько хорошо, что, находясь в Китае, без переводчика объездил почти всю страну, а по возвращении написал диссертацию по современной китайской культуре. Но произошедшие вскоре отрицательные перемены в отношениях двух ещё недавно «братских» стран не способствовали её защите.

В декабре 1957 г. семья приехала в Москву. Василий Семёнович вернулся на прежнюю работу, был инструктором

ром, затем заместителем заведующего и заведующим сектором одного из важнейших отделов ЦК КПСС — идеологического. В августе 1965 г. по решению ЦК партии, учитывая его журналистский опыт (долгие годы он состоял членом Союза журналистов СССР, внештатным корреспондентом газеты «Советская культура»), направили помощником к члену Президиума Верховного Совета СССР Маршалу Советского Союза Клименту Ефремовичу Ворошилову (1881—1969). Этому военному и государственному деятелю, широко известному и популярному в стране человеку, чуть ли не былинному народному герою (вспомним хотя бы популярное в 1930-х гг. понятие «ворошиловский стрелок»), В. С. Акшинский помогал вести дела, готовить материалы для книги воспоминаний, а также работать с письмами трудящихся. Занимаясь этим, попутно он посодействовал не одной сотне людей в разрешении их жизненных сложностей [ККОМ ОФ 33441/92].

Одновременно по личной просьбе маршала выполнял литературную редакцию рукописи его мемуаров «Рассказы о жизни» (эту книгу выпустило в свет издательство политической литературы «Политиздат» в 1968 г., а в предисловии к ней автор счёл возможным сказать несколько добрых слов и в адрес своего помощника). После кончины К. Е. Ворошилова Акшинскому поручили подготовить его жизнеописание, что заняло около трёх лет, после чего в 1974 г. была издана книга «Климент Ефремович Ворошилов. Биографический очерк». В 1976 г. вышло её второе издание, книга была переведена на армянский, киргизский, молдавский и узбекский языки, напечатана в Чехословакии. После этого Василий Семёнович составил ещё две биографических работы: брошюру «Климент Ефремович Ворошилов» (Донецк, 1976) и «К. Е. Ворошилов. Жизнь и деятельность в фотографиях и документах» (Москва, 1978). Аннотация к первому изданию гласила: «Герой гражданской войны, прославленный командарм, первый красный маршал, видный партийный и государственный деятель — такой многогранный образ Климента Ефремовича Ворошилова остался в памяти многих

поколений. О славном сыне Страны Советов, беззаветно преданном идеалам коммунизма, рассказывается в очерке В. С. Акшинского, который рассчитан на широкий круг читателей».

В 1977 г. автор получил извещение Всесоюзного агентства по авторским правам: «Из Чехословацкой Социалистической Республики за Ваше произведение поступил гонорар в сумме 88 руб. После установленных удержаний: коммиссионный сбор — 22 руб., подоходный налог — 9,9 руб., Вам причитается 56,10 руб.». Негусто, а после уплаты партийных и профсоюзных взносов из этой суммы автору досталось менее 50 руб., но по этому поводу он отметил: «Как-никак поддержка, а главное — моральный стимул» [ККМГИ 30490/69].

С июня 1970 г. Василий Семёнович пребывал на заслуженном отдыхе, став, как говорили в те времена, «персональным пенсионером союзного значения».

В сентябре 1974 г. он побывал на Камчатке, в Петропавловске, куда был приглашён по случаю пятидесятилетнего юбилея газеты «Камчатский комсомолец». В ходе поездки, в частности, осмотрел экспозицию городского музея боевой славы. Она произвела на него хорошее впечатление, но удивила преобладанием флотской тематики, в том числе и в отношении Курильского десанта. Здесь В. С. Акшинский не нашёл описаний жизни и боевых подвигов «общевойсковых» Героев Советского Союза А. Р. Гнечко, В. А. Кота, С. А. Савушкина и П. И. Шутова. По возвращении в Москву, в обращении к начальнику музея Н. Т. Старикову он указывал, что хочет восполнить этот пробел для себя, а также использовать данные о них в дальнейшей литературной работе. Он просил музей сообщить ему сведения о П. И. Шутове и В. А. Коте, а из моряков — о Д. Г. Пономарёве, во время войны командире Петропавловской военно-морской базы Тихоокеанского флота [ККМГИ 30490/111].

Во время встречи с общественностью, состоявшейся в редакции «Камчатского комсомольца», он познакомился с молодым начинающим самостоятельным композитором — Константином

Волобуевым. Это знакомство вылилось в дружеские отношения «по переписке», тоже хорошо характеризующей человеческие качества нашего героя. 17 ноября 1974 г. Константин сообщил Василию Семёновичу, что положил на музыку его стихотворение «Земля и море» и записал песню на местном радио. «Несколько строчек я заменил из-за лишних гласных. Думаю, смысл от этого не изменился».

31 января 1975 г. юный маэстро известил, что получил стихотворения, отправленные ему Василием Семёновичем, а из присланного ему больше всего понравились «Острова Курильские», которые «могут подойти по теме ко Дню Победы, а вот получится из них песня, ещё сам не знаю». Константин послал соавтору ноты песни «Земля и море» и пожелал, чтобы, «если будут от Вас стихи мне, то хотелось бы, чтобы в них менялся ритм, и тогда мелодия будет разнообразней».

2 апреля 1975 г. Василий Семёнович ответил: «Песня твоя “Земля и море” мне понравилась, хотя я и небольшой знаток музыки. Как мог, пробренчал её несколько раз на мандолине». Он показал ноты Г. Ф. Пономаренко — «настоящему» композитору, автору музыки к известным песням «Оренбургский платок», «Нарьян-Мар» и другим. Тот прямо с листа сыграл мелодию на баяне, «звучно, с аккордами», и заметил: «Мелодия чувствуется, но чувствуется и молодость автора музыки. А, в общем, начало неплохое: ведь только так — в упорном труде и в напряжённых поисках — и рождаются большие мастера из художественной самодеятельности».

В мае 1975 г. за обнародование этого совместного произведения авторам был выплачен гонорар: по 5 руб. 15 коп. каждому. Извещения о переводе обеих сумм пришли из Петропавловска в Москву на адрес Акшинского, а причитавшееся начинающему композитору он отправил обратно в Петропавловск [ККМГИ 30490/341—344].

О человеческих качествах и увлечениях Василия Семёновича хорошо рассказано в письме его старшей дочери Натальи Васильевны Акшинской, отправленном в музей 12 апреля 2000 г.: «Он всегда оставался преданным прежде всего интересам Отечества, хотя был и любящим мужем, и заботливым,

ласковым отцом и дедом, и всем нам, своим близким, — настоящим и верным другом, единомышленником. Он был разносторонне одарённой творческой натурой, романтиком, но при этом удивительно организованным человеком, всегда сдерживал своё слово, был инициативным и ответственным, самостоятельным в работе и жизни вообще. Неплохо рисовал, хорошо играл в шахматы, по самоучителю научился играть на мандолине и поддерживал в детях интерес к музыке, языкам, словарям» [КОКМ ОФ 33446].

Понимая важность сохранения исторического наследия, в июле 1968 г. Василий Семёнович передал из личного собрания в дар Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина редкие книги, касающиеся камчатской истории: первое издание «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (1755) и «Охотско-Камчатский край» Н. В. Слюнина (1900) [КОКМ ОФ 33441/87]. А 29 декабря 1981 г. отдел иностранного комплектования и международного книгообмена «Ленинки» поблагодарил его за любезно подаренные главному книгохранилищу страны триста тридцать шесть экземпляров различных изданий [ККМГИ 30490/161].

Самым большим увлечением Василия Семёновича была поэзия. Особенно любил Маяковского, Багрицкого, Твардовского, Симонова, следил за творчеством современных ему поэтов, знал наизусть множество стихов и умел их прекрасно декламировать. Пришло время, и он сам начал писать стихи. Его сослуживец по 279-му арtpолку С. К. Юдин вспоминал годы спустя:

«Весной 1942 г. в полку появился новый командир — политрук Василий Семёнович Акшинский, избранный по рекомендации политотдела партторгом полка. Мы знали, что он был редактором областной газеты “Камчатская правда”, но особенно этому не удивились: тогда многие гражданские надели воинские гимнастёрки.

Меня, молодого комсорга полка, неодолимо влекли обаяние и широкая эрудиция парторга. Да и партийные дела у нас пошли веселее, он вносил в них немало нового. Помню, как с большим интересом прошло полковое собрание с обсужде-

нием вопроса “О советском патриотизме”. В. С. Акшинский сделал яркий, увлекательный доклад. Наши повседневные дела он умело связывал с историей этого глубокого, гордого чувства. Как-то особенно, по-родному, прозвучали имена Ивана Сусанина, Кузьмы Минина. Коммунисты почувствовали себя соучастниками великого дела.

Среди многочисленных, трудных повседневных забот В. С. Акшинский не порывал с литературой, поэзией. Выступая о текущем моменте, он будил сознание бойцов яркими словами стихов Маяковского. Частенько на семинарах политработников и комсогов мы просили Василия Семёновича выступить. Он поднимался на трибуну и говорил о Маяковском, Асееве, Есенине, по памяти читал их стихи. Аудитория смолкала, проникалась вместе с оратором новыми, волнующими чувствами. Он любил выступать перед бойцами, особенно на литературные темы... Журналист по профессии и по призванию, он продолжал печататься в областной газете, писал стихи. Помню, вечерами, зазвав к себе в комнатуху, читал новые стихи и внимательно прислушивался к нашему мнению. Критики из нас были неважные, но Акшинский с большим вниманием относился к высказываниям каждого...»

Вот образцы его стихотворного творчества того времени, навеянные впечатлениями от недавних боёв, составившие цикл «Острова Курильские» и опубликованные в воинской газете «Тревога» в 1946 г. Их предварило вот такое редакторское вступление:

«Среди бойцов и офицеров славных дальневосточных полков — участников героического десанта и сражения за Курильские острова — находился и офицер Акшинский. Ещё гремели залпы советских орудий, а Акшинский уже записывал в свой походный блокнот стихи о суровой земле Курильских островов, возвращённой советской Родине, о героях боёв — отважных русских воинах. Стихи эти написаны под свежим впечатлением боёв — не просто очевидцем, но непосредственным участником событий» [ЖКОМ ОФ 33441/61].

Фрагмент стихотворения «Русская земля»:

*...Острова Курильские — пенится прибой.
Тут, ступив на берег, шли мы в смертный бой.
Тех сражений славою и сейчас дышу,
Не забудет Родина остров Шимушу,
И живых и мёртвых, взявших у врага
Нашу землю русскую, наши берега...*

А вот стихотворение «Остров Шумшу» (в авторском написании «Остров Шимушу»):

*Сейчас это даже красиво —
Скалы, прибой, маяк.
А мы наступали с пролива
С боем, в огне атак,
И злость нам кривила лица.
Японцы били в упор
Из каждой бетонной бойницы,
Из скал, из расщелин гор.
С гранатами шли мы на доты.
Взрывали врагов на куски
Геройские люди пехоты,
Отважные моряки...
Японцы в траншеях вставали,
Их танки с грохотом шли.
Здесь сотни смертей бушевали,
Но смелых сдержать не смогли.
И после нам чудом казалось:
Да, нашим десантом взята вот та,
Что огнём огрызалась, безлесная высота.
Пленённый с войсками Ямато
Японский сказал генерал:
— О, русские — храбрые солдаты,
Таких никогда не видал.
Но нас не расслабить словами,
Пусть льстит побеждённый враг.
Мы дальше пошли с боями.
Над нами — победный стяг.*

В 1966 г. московское издательство «Советская Россия» выпустило небольшой сборник его стихов о Камчатке и военных — «Края рассветные». А за день до кончины, в апреле 1986 г., Василий Семёнович узнал, что в печать подписан

одиннадцатый том (всего их двенадцать) — «Победа» — антологии художественных произведений о Великой Отечественной войне «Венок славы». Составители включили в него два стихотворения: приведённое выше «Остров Шумшу» и «Враг разбит».

Последней по времени его публикацией стал выпущенный в Петропавловске-Камчатском издательством «Камчатский печатный двор» в 2000 г. стихотворный сборник «Для Победы ничего не жалко» объёмом в шестьдесят две страницы.

КАК ПИСАЛСЯ «КУРИЛЬСКИЙ ДЕСАНТ»

Самым значительным своим журналистским и исследовательским свершением В. С. Акшинский считал книгу «Курильский десант», жанр которой он обозначил как документальная повесть. Её первое издание было выпущено при жизни автора Камчатским отделением Дальневосточного книжного издательства в Петропавловске-Камчатском в 1984 г. тиражом для того времени совсем небольшим — всего пять тысяч экземпляров. Замысел этой книги сложился давно. В одном из писем автор указывал, что собирал материалы по теме около тридцати лет. Но заняться делом ему основательно мешали основная работа, частые служебные командировки, не оставлявшие свободного времени. И только выйдя на заслуженный отдых, он смог сосредоточиться на написании работы, показывающей ход освобождения Северных Курильских островов, массовый героизм участников десанта. (Сам он указывал: «чтобы не отвлекаться от начатого дела, не устраиваюсь ни на какую работу».) В общей сложности на сбор материала, его обработку и подготовку книги к изданию ушло более пятнадцати лет. Ей предшествовала документальная повесть «Победа на Курильских островах» (газетный вариант «Курильского десанта»), опубликованная в газете «Камчатская правда» в июне-июле 1980 г., а также ряд очерков, напечатанных в различных периодических изданиях СССР, в том числе и на нашем полуострове.

Дочь автора Н. В. Акшинская писала: «Это был каторжный труд, требующий многолетних поисков со многими неизвестным. Только в военной операции было задействовано около десяти тысяч людей, а со времени окончания войны прошла к тому времени четверть века. Работа требовала знания военной истории, истории Курил и Японии, многих лет работы в архивах. Это в 1990-е годы открылись и стали доступны для историков и журналистов архивы и документы, а в 1970-е годы все они находились за семью печатями. На право доступа к ним требовались серьёзнейшие обоснования, получение “высочайших” подписей политиков и военных, ведь вопрос отношений с Японией не решён и по сию пору, нет мирного договора. Так что всяких разрешений и пропусков приходилось добиваться с большими трудностями. В этом папе помог авторитет А. Р. Гнечко, бывшего командующего Камчатским оборонительным районом и руководителя операции на Курилах, с которым он неоднократно встречался, обсуждая и замысел книги, и многие детали этой операции».

Действительно, значительная часть книги построена как беседа автора с Героем Советского Союза, жившим в Москве, тогда генерал-лейтенантом в отставке Алексеем Романовичем Гнечко.

Решив разыскать участников Курильского десанта и получить от них сведения о личном участии в подготовке этой операции и самой высадке, Акшинский составил обращение, названное им «Отзовитесь, ветераны!» и разослал текст во все газеты Советского Союза, от центральных и республиканских до районных и городских. Вот его фрагмент, опубликованный в газете «Челябинский рабочий»: «...Обращаюсь ко всем пехотинцам, морякам, лётчикам и пограничникам, а также к членам команд транспортных и рыболовецких судов, принимавших участие в Курильском десанте, с призывом: дорогие товарищи, отзовитесь! Сообщите... всё, что знаете и помните о названных выше героях освобождения Курильских островов, обо всех тех, кто оставил заметный след в истории трудной и славной, кровопролитной и побед-

ной Курильской десантной операции. *В. Акшинский*, участник Курильского десанта, член Союза журналистов СССР» [ККМГИ 30492/131]. По свидетельству членов семьи, только на розыск адресов редакций этих изданий ушло несколько месяцев работы в газетном архиве.

В ответ пошли отклики ветеранов, сообщавших сведения о себе, дававших адреса свои и сослуживцев, боевых товарищей. Отныне московская квартира В. С. Акшинского на Кутузовском проспекте на много лет стала настоящим «штабом», куда стекались уникальные свидетельства и воспоминания участников этой заключительной операции Второй мировой войны. На основе первых полученных сообщений Василий Семёнович писал письма с просьбой уточнить номера войсковых частей, инициалы, фамилии, воинские звания командиров подразделений, названия кораблей и десантных судов, подробности отдельных героических эпизодов высадки.

Те письма, которые отправлялись тому или иному адресату впервые, обычно начинались вот с такого авторского представления: «...Обращается к Вам участник Курильской десантной операции (август 1945 г.) Акшинский Василий Семёнович, в довоенное время и начальный период войны редактор областной газеты “Камчатская правда” — до мая 1942 г., затем — парторг 279-го артиллерийского полка 101-й стрелковой дивизии Камчатского оборонительного района. В послевоенные годы — ответственный работник аппарата ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР (был помощником К. Е. Ворошилова), автор книги о нём, член Союза журналистов СССР, персональный пенсионер союзного значения». Далее следовали конкретные вопросы. Письма составлялись вручную «под копирку»: адресату высылался первый экземпляр, а копия подписывалась номером его части (или специальностью для гражданских лиц), фамилией, именем и отчеством и хранилась в личном архиве. (Сейчас они и составляют примерно половину авторского архивного музейного фонда.)

Вот фрагмент письма от 7 декабря 1978 г. Анатолию Александровичу Бабякину, жившему в городе Старая Руза

Московской области: «...Хочется полнее и возможно ярче, чем это делалось до сих пор, показать мужество и отвагу пехотинцев, моряков, лётчиков и пограничников, найти новых героев, которые не попали в сводки и донесения августа 1945 г. и подчас остались не только не награждёнными, но и забытыми в ряде книг и статей, так или иначе касающихся истории Курильского десанта.

На самом деле, в составе передового отряда десанта, кроме батальона морской пехоты, были рота автоматчиков, сапёрная и миномётная рота, рота пограничников (по некоторым данным — рота противотанковых ружей), взвод химиков и взвод пеших разведки. Но что мы о них знаем? Не названы даже их командиры, наиболее отличившиеся воины. Такое забвение допущено и в отношении боевых кораблей. Из упомянутых в книгах и статьях четырёх военных тральщиков и двух гидрографических судов ни в одном случае не названы их командир и замполит, даже по тральщику ТЩ-525, который был награждён орденом Красного Знамени.

Я не говорю уже об отдельных лицах, которых в ряде случаев сказано: “Отличился офицер Курбатов”, “бросился под вражеский танк с противотанковой гранатой и взорвал его ценой собственной жизни старший сержант Черепанов” и т. д.

Прошло тридцать с лишним лет с тех пор, но никто не удосужился разыскать их имена и отчества, корабль или подразделение, в которых они служили, какой награды удостоены. Вот я и решил посвятить выяснению этих подробностей остаток своих лет...» [ККМГИ 30490/214]. (Отметим, что автору так и не удалось установить имя и отчество старшего сержанта Черепанова. Нет их и во втором издании «Курильского десанта».)

Отдельную часть переписки составили запросы в военкоматы и различные официальные властные инстанции. Нередко они не давали ожидаемого результата. К примеру, ответ Амурского областного военкома от 27 ноября 1981 г.: «Мы нашли тов. Демьяненко Николая Фёдоровича 1919 г. р., проживающего в г. Белогорске... но он говорит, что в войне не участвовал и всю жизнь был железнодорожником. Сожалеем, что не

смогли оказать Вам помощь. Больше в области под фамилией Демьяненко никто не значится». 14 декабря 1981 г. Омский областной военкомат сообщил: «На Ваше письмо сообщаю, что Гаврилов Николай Андреевич был приглашён на беседу в Омский областной военный комиссариат. В ходе беседы было выявлено, что Гаврилов Н. А. за давностью лет ничего не помнит, поэтому оказать помощь Вам не представляется возможным...» [ККМГИ 30492/125, 376].

А вот инициативное, но тоже безрезультатное, письмо журналиста газеты «За коммунистический труд» из г. Соль-Илецка Оренбургской области Н. Коцерубенко: «Прочитал в газете “Южный Урал” о том, что Вы ведёте поиск участников операции в десанте на Курильскую гряду в 1945 г. Сообщаю Вам, что я принимал участие в этой операции. После боёв на Южном Сахалине нас погрузили в десантные баржи (полосодонки) и направили в район Курильской гряды. Высадились ночью на острове Кунашир, бухта Фурукоматто, 31 августа 1945 г. в составе отдельной роты разведчиков 113-й отдельной стрелковой Сахалинской бригады. Боёв на острове не было, хотя здесь находилась дивизия японской армии» [ККМГИ 30490/389]. Как видно, в тех событиях, которые интересовали В. С. Акшинского, этот адресат участия он не принимал...

К поискам подключились и школьные отряды следопытов на Камчатке и Сахалине. 3 апреля 1978 г. Василий Семёнович обратился в Северо-Курильск, в школьный музей боевой славы, при котором действовал поисковый отряд «Магеллан». Ребята под руководством учителя истории Ф. Г. Сергеева проделали значительную работу по выявлению судеб участников десанта, составив список более чем из двух сотен погибших с указанием мест их рождения и призыва в армию. Акшинский просил поделиться с ним этими сведениями, а также другими материалами, в первую очередь биографическими [ККМГИ 30490/109].

Вот фрагмент его письма в Главное управление кадров Министерства обороны СССР от 22 мая 1983 г.: «...Речь идёт о командире 4-й стрелковой роты 373-го стрелкового

полка 101-й стрелковой дивизии Камчатского оборонительного района старшем лейтенанте Хохлове. В условиях боевых действий против японских войск на острове Шумшу он со своим личным составом оказался в отрыве от основных сил полка, но в сложной обстановке не растерялся, активно действовал самостоятельно и нанёс противнику существенный урон. За самоотверженность и инициативу он был представлен к правительственной награде. Помогите, пожалуйста, установить имя и отчество названного офицера и, если располагаете, сообщите о нём основные данные биографического характера... по данным 1945 г.» [НВФ 2436/1].

В результате этой огромной работы удалось выявить фамилии около шестисот участников десанта и узнать их адреса. Как сообщают родные, «сама переписка требовала большой сосредоточенности, систематизации сведений, тщательной перепроверки и уточнения сообщаемых сведений и фактов по документам военных архивов, занимала много времени. Василий Семёнович спал по три-четыре часа в сутки, напряжённо работал».

Имеющиеся в авторском фонде документы, в первую очередь переписка с боевыми друзьями, в общих чертах позволяют восстановить хронологию написания и подготовки к печати «Курильского десанта».

2 октября 1977 г. автор отправил бывшему начальнику штаба 373-го стрелкового полка, в 1945 г. майору, а сейчас полковнику в отставке, Георгию Филипповичу Бочкарёву, жившему в Феодосии, сообщение о том, что завершает последнюю главу большой рукописи о К. Е. Ворошилове. После этого станет свободнее и в полной мере займётся курильской темой. «О ней думаю непрестанно, часто просматриваю накопленные материалы, пополняю их новыми. Недавно прислал мне интересные биографические заметки А. Р. Гнечко, выполнил мою просьбу, высказанную ему при недавней нашей личной встрече...» [ККМГИ 30490/69].

Деятельная работа над рукописью началась, судя по датировке основного массива хранящихся в авторском фонде писем, в апреле 1978 г. Так, 14-го числа, обращаясь к Николаю

Борисовичу Назаренко, жившему в Петропавловске-Камчатском, автор указывал: «Я ещё на Парамушире начал работу над документальной повестью о массовом героизме освободителей Курильских островов, но в дальнейшем дела сложились так, что пришлось на многие годы отложить осуществление этого замысла... Но сейчас мне стало легче, и вновь начал прерванную работу над рукописью...» Далее он излагает свой замысел: «У неё будет вымышленный сюжет, но в её основе будут лежать подлинные события. Всё это тем более необходимо, потому что кое-где бытует мнение о том, что якобы воины-дальневосточники отсиделись в тылу и не внесли какого-либо существенного вклада в нашу общую победу. Это ошибочное и вредное мнение надо развенчать. Вот и собираю для этого различные материалы и сведения, которых у меня накопилось вполне достаточно, но при этом многие подробности остаются неясными, особенно мало биографических данных о многих бойцах, командирах и политработниках... В связи с этим и обращаюсь к Вам за помощью и товарищеским содействием...» [ККМГИ 30490/211].

Следующим днём датировано первое письмо к Константину Дмитриевичу Меркурьеву, бывшему командиру 138-го стрелкового полка (его адрес он получил от Г. Ф. Бочкарёва ещё 20 марта 1976 г.). Позже они стали хорошими друзьями и активно переписывались. Вначале Василий Семёнович представляется и кратко рассказывает о себе, своей довоенной жизни, службе, участии в десанте. «После боёв зимовал на Парамушире. Всё это сообщаю лишь для того, чтобы пояснить, как у меня уже в то время зародилась мысль написать документальную повесть о массовом героизме освободителей Курильских островов, созрело осознание морального права на это. С тех пор я скрупулёзно собираю различные материалы и документы о Курильской десантной операции... Однако течение моей жизни и работы складывалось так, что по тем или иным причинам приходилось откладывать осуществление этого замысла...

Сейчас мне стало несколько легче со временем, и я вновь взялся за курильскую тему, решил посвятить ей весь остаток

своих лет. Чтобы не связывать себя другими делами, отказался от устройства на штатную должность и лишь от случая к случаю сотрудничаю в газете ЦК КПСС “Советская культура” и в других периодических изданиях. Это даёт мне возможность более основательно вести поиски особо отличившихся в боях участников Курильского десанта. Это надо успеть, так как время в значительной мере упущено, а многие уцелевшие в боях уже ушли из жизни. Предстоит огромный труд, собирание по крупицам всего того, чего не достаёт для восстановления облика живых и погибших, в том числе и безымянных героев освобождения Курил, во всей их полноте...

Всё это и побуждает меня спешить, напрягать все силы в творческой работе, усиленно вести поисковую работу, а она особенно трудна. Посудите сами. Чтобы разыскать место проживания того или иного человека, в настоящее время нужно, как минимум, сообщить в органы Министерства внутренних дел сведения о годе рождения, фамилию, отчество. Но даже таких скудных сведений нет во многих статьях и исследованиях о Курильском десанте. При упоминании о многих, отлично показавших себя в боях на острове Шумшу и других островах бойцах и командирах, отсутствуют данные о том, из каких они воинских частей и подразделений, не указаны инициалы и воинские звания. Тем самым теряется возможность выявления каких-либо данных о них через соответствующие архивы. Вот почему всё более расширяю переписку с участниками операции, стараюсь привлечь их в союзники в выяснении биографий и судеб их боевых товарищей по общему делу возвращения Родине её исконных земель...

Мне многие говорили, что мои старания бесперспективны. В этом много правды, и я отдаю в этом себе полный отчёт. Но, как говорится, попытка не пытка, ведь кто-то же должен взяться за это. Уверен и в том, что найду понимание и содействие у всех тех, кому не безразлично то, что останется после нас, — для нашей смены, для грядущих поколений» [КЖМГИ 30490/317].

В этот же день (15 апреля 1978 г.) он подготовил письмо в Петропавловск-Камчатский, в музей боевой славы: «...Создаётся такое положение, что расширяется число тех, кто проявил с себя с самой лучшей стороны в боевой обстановке. Но о большинстве из них почти нет никаких данных биографического характера: кто они, чем занимались до призыва в армию, где в и какой среде проживали (рабочие, крестьяне), как складывался их трудовой, боевой и нравственный облик. Иногда известна лишь одна фамилия без инициалов, неизвестно, кем и в каких частях и подразделениях они служили, состояли ли в комсомоле, в рядах партии. Отсутствуют и другие сведения (о наградах и прочие). Вот и прошу вас помочь мне в проведении этого поиска — речь веду сейчас о военных моряках, что более всего соответствует профилю вашего музея боевой славы.

Прежде всего, хотелось бы выяснить адреса или места призыва моряков группы техника-лейтенанта А. М. Водынина, уничтоживших большое число японских танков, многие из них при этом пожертвовали своими жизнями. В их числе: А. М. Водынин, Иван Кобзарь, Михаил Власенков, Степан Рында или Рындин, Агас Арзуманян и другие. С Петром Бабичем, членом этой группы, которого считали погибшим, я переписываюсь, но и он не помнит даже основных биографических данных о них. Нельзя ли получить от вас какие-либо исходные данные о них, чтобы продолжить поиски...»

В приписке Акшинский просит: «Если нет адресов, то сообщите, пожалуйста, фамилию, имя, отчество, место и год рождения — это тот минимум, который нужен для розыска через органы Министерства внутренних дел» [ККМГИ 30490/110].

29 апреля 1978 г. он радостно известил Г. Ф. Бочкарёва: «Лёд тронулся! Начал работу над текстом рукописи, но содержание её круто изменяется. Вместо документально-художественной повести с вымышленным сюжетом, как намечал ранее, решил показать лишь одну правду — подлинную картину боевой обстановки и главное внимание сосредоточить на показе мужества и отваги конкретных лиц,

раскрывая их биографии, становление личности, формирование характера, порыва в бою, готовности к самопожертвованию. Это вызвано тем, что при изучении всего собранного материала и опубликованных работ обнаружил существенный “перекос”: описываются военные действия, но люди, их совершавшие и нередко пожертвовавшие собой за освобождение Курил, в большинстве лишь названы без каких-либо биографических подробностей...» [ККМГИ 30940/58].

С вполне сложившимся планом документальной повести автор познакомил Георгия Филипповича уже 24 июня 1978 г. Вначале он повторил, что не ставит перед собой задачи создать «капитальное» исследование Курильской десантной операции, но желает составить возможно более подробный список награждённых частей, кораблей и отдельных военнослужащих. «Эти поиски должны помочь, грубо говоря, расставить всё по своим местам — выделить моряков и армейцев. Внутри этих видов определить, кто и к какой части, подразделению относится, чтобы докопаться до истоков: выявить командиров этих частей и подразделений, через них или при их содействии находить нужных людей, наиболее отличившихся из тех десяти процентов, о которых Вы говорите в своём письме, — награждённых орденами за конкретные дела. При этом поярче показать роль командиров, политработников, коммунистов в боевой обстановке, найти какие-то биографические данные, пусть не обо всех тех, кто оставил заметный след в истории освобождения Курильских островов, но хотя бы о тех, о ком удастся найти что-то определённое, и таких будет немало».

Здесь же Василий Семёнович напоминает товарищу, что приближается 3 сентября 1980 г. — тридцатипятилетие победы в войне с Японией, и именно к этому сроку хорошо было бы подготовить обстоятельную брошюру или небольшую книгу. Обозначен и первоначальный вариант её названия: «Освобождение Курильских островов. Записки участника Курильской десантной операции».

Далее цитируется подробно проработанный план будущего издания:

«Глава 1. Агрессор обречён.

а) исконно русская земля (очень краткое описание открытия, изучения и освоения русскими землепроходцами, учёными и служилыми людьми островов Курильской гряды);

б) захват японцами Курил в 1875 г. и Южного Сахалина в 1905 г., превращение их в опорную базу империалистических захватов. Перекрытие выходов русским кораблям в Тихий океан. Усиление агрессивных действий Японии против СССР в годы Великой Отечественной войны;

в) укрепление обороны Дальнего Востока, в том числе и Камчатки, для отражения японской агрессии. Создание Камчатского оборонительного района и Петропавловской военно-морской базы. Упорное совершенствование боевой и политической подготовки войск, военных моряков для защиты Камчатки и всего Северо-Востока страны;

г) объявление Советским Союзом войны империалистической Японии — выполнение союзнического долга и ликвидация исторической несправедливости, возвращение Родине отторгнутых от неё Южного Сахалина и Курильских островов. Решения Ялтинской и Потсдамской конференций;

д) приказ войскам Камчатского оборонительного района и Петропавловской военно-морской базы о подготовке Курильской десантной операции. Создание объединённого штаба. Стягивание войск к местам посадки на корабли. Сложности и трудности этого сосредоточения;

е) десант снаряжала вся Камчатка. Заседания Камчатского обкома партии и решения о мобилизации всех сил и средств на помощь войскам. Героическая работа тружеников судоверфи, Петропавловского порта, моряков гражданских пароходов, медицинских работников и других (конкретные примеры). Состав десанта, его боевые силы, эшелоны десанта, десантные суда, отряды охранения, артиллерийской поддержки, траления, транспортных и высадочных средств, рота пограничников, гражданский истребительный отряд (некоторые подробности для представления масштаба операции, кое-что о 128-й смешанной авиадивизии и её задачах воздушной поддержки войск);

з) путь к району боевых действий. Порядок движения, светомаскировка, запрещение радиосвязи, охрана с моря и воздуха. Политическая работа на кораблях с личным составом. Ознакомление с обращением командующего войсками Камчатского оборонительного района. Разъяснение боевой задачи, приём в партию и прочее. Метеорологические условия перехода;

Глава 2. *Курильский десант.*

а) высадка отряда первого броска на фоне уже привычного врагу артобстрела с мыса Лопатки. Внезапность обеспечила успех. Пример коммунистов. Успешные действия подразделений майора П. И. Шутова, батальона морской пехоты майора Т. А. Почтарёва, пограничников капитана Кожевникова. Просчёт японского командования — не придали значения показаниям локатора (приняли суда десанта за обычные транспорты, следующие с Камчатки во Владивосток). Продвижение вперёд, завоевание плацдарма. Ожесточённое сопротивление японской пехоты, примеры мужества и отваги бойцов и командиров отряда первого броска;

б) высадка войск первого, а затем и второго эшелонов десанта. Нарушение графика, смешение войск, стремление оказать помощь передовому отряду. Вражеские батареи на флангах (мыс Кокутан-Саки, Котомари-Саки, батарея на потерпевшем аварию у берега Шумшу танкере “Мариуполь”). Недостаток артиллерии у наших войск. Отвага и мужество десантников при высадке, экипажей десантных судов, кораблей артподдержки, гражданских плавсредств ([баржа-] самоходка В. И. Сигова и другие);

в) бои за высоты 165,0 и 171,0 — ключевые позиции для успеха всей операции. Массовый героизм армейцев, моряков, пограничников (примеры). Подвиг старшины 1-й статьи Н. Вилкова и матроса П. Ильичёва. Упорное сопротивление вражеских войск. Смертники (камикадзе). Отражение японских контратак. Сложность обстановки — многие позиции несколько раз переходили из рук в руки;

г) отражение контратаки японских танков и следовавшей за ними вражеской пехоты. Подвиг группы моряков

лейтенанта А. М. Водынина. Подвиг пехотного подразделения противотанковых ружей лейтенанта П. К. Вельбовца, отделения противотанковых ружей старшего сержанта Черепанова и других. Большая роль частей и подразделений главных сил десанта в боях за высоты и по отражению танковых атак врага;

д) подавление вражеских артиллерийских и пулемётных позиций в тылу наших наступающих войск. Сложность этой задачи, большие потери. Беззаветное мужество и отвага штурмовых групп, в том числе и группы майора Курбатова. Разгром артиллерией боевых кораблей “Дзержинский”, “Киров”, “Охотск” японской батареи на “Мариуполе”;

е) накопление сил десанта в районе высадки (пехота, артиллерия). Успехи наступления главных сил вынудили японское командование заявить о капитуляции. Встречи с вражескими парламентами. Маневры вражеского командования, стремление выиграть время для подготовки новых контратак. Продолжение наступления наших войск;

ж) бой во Втором Курильском проливе. Вражеская провокация — артобстрел советских судов, идущих для принятия капитуляции противника. Умелые действия командования и личного состава кораблей: минного заградителя “Охотск”, тральщика ТЩ-525 и других. Ответные удары по врагу самолётов 128-й авиадивизии (о ней надо сказать что-то конкретное — дивизия получила наименование “Курильская”);

з) отдельная подглавка о действиях пограничников — они были представлены сторожевыми кораблями “Дзержинский” и “Киров”, двумя дивизионами пограничных катеров (отряд охранения), сводной ротой (сто двадцать человек);

и) освобождение южной группы Курильских островов;

к) отдельная подглавка о командах транспортных судов морского и рыболовецкого флота, помощи гражданского населения в ходе высадки десанта и в боевых действиях (переброска из района Большерецка 198-го стрелкового полка), обслуживание раненых в Петропавловске и прочее;

л) успех советских войск в Манчжурии, Корее и на Южном Сахалине, разгром основной группировки вражеских сил —

Квантунской армии — создали благоприятные условия для успешного завершения Курильской десантной операции. “Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу, и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана, а средством прямой связи с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии” (из обращения И. В. Сталина к народу от 2 сентября 1945 г.).

Глава 3. *Ворота в океан.*

а) советские войска остались зимовать на Курильских островах, обживать их. Трудности обустройства, недостатки снабжения первого времени. Приезд семей, налаживание более-менее нормальной жизни. Создание гражданской администрации. Помощь в этом армейских и флотских частей кадрами, проведением политико-массовой работы, разъяснение демобилизованным задач освоения освобождённой советской земли (создание рыболовецких колхозов, школ и прочее);

б) экономическое и стратегическое значение островов Курильской гряды. Рыбные богатства, зверобойный промысел, природные условия, климат. Включение Курильских островов и Южного Сахалина в единую Сахалинскую область. Успехи экономического и культурного развития Курил за годы после их освобождения;

в) острова Курильские — наши навсегда.

Вот примерная схема работы, подлежащая уточнению, а главное — наполнению жизненными примерами и фактами. Общий её объём — сто — сто двадцать страниц. Ориентировочный срок написания — к июню-июлю 1979 г., чтобы остался год для всех дел, связанных с рецензированием, полиграфическим исполнением и выпуском её в свет накануне тридцатипятилетия победы над Японией (в июне-августе 1980 г.). Вот почему нужны огромные усилия не только в литературной, но и поисковой работе, хотя уже и сейчас ясно, что всего, что надо, не собрать. Однако многое будет уточнено и дополнено, более подробно рассказано о подлинных героях — и официально признанных, и тех, кто подчас не получил заслуженных наград...

Возможно, что работа получится в несколько меньшем объёме. Но и это не страшно. Главное не в этом, а в том, чтобы донести до читателей тот подъём и массовый героизм, которые были проявлены личным составом всех частей и подразделений, принимавших участие в Курильском десанте, показать наиболее отличившихся, как подлинных воинов Отечества, во всём величии их жизни, трудовой и боевой деятельности...» [ККМГИ 30490/62].

Как видно, представленный выше план является, по сути, кратким конспектом заявленной темы освобождения и последующего освоения и развития Северных Курил. Он вполне может стать основой для деятельности в этом направлении кого-нибудь из современных исследователей, тем более что в осуществлённой на деле автором работе «Курильский десант» отсутствует тематика, ранее обозначенная в предполагавшейся третьей главе «Ворота в океан».

К концу 1978 г. собранные и обработанные материалы стали основой для большого очерка «Победа на Курильских островах», отправленного для публикации в родную «Камчатскую правду». 30 мая 1979 г. В. С. Акшинский сообщил Г. Ф. Бочкарёву: «Из Петропавловска-Камчатского пришла долгожданная весточка. Цитирую дословно: “Уважаемый Василий Семёнович! Наконец-то мы получили Ваши очерки из консультировавшей организации. Постараемся дать их, по возможности, полней. Газету пришлём... *Н. Канищев*, редактор. 28 апреля 1979 г.”».

Когда конкретно начнут печатать, не сообщается, видимо, в июне-июле или начале августа. Больше всех обрадовался этому А. Р. Гнечко. Он не раз интересовался по телефону судьбой посланного материала, а однажды с горечью сказал: «Наверное, не доживу». Он в последнее время плохо себя чувствует...» [ККМГИ 30490/59]. (А. Р. Гнечко действительно не дожид до этой публикации, начавшейся только в июне 1980 г. Он скончался 7 апреля 1980 г.)

Пока газетчики и «консультирующие организации» рецензировали и цензурировали очерк, работа над будущей книгой успешно продолжалась. Это позволило автору 7 октября

1981 г. доложить К. Д. Меркурьеву об «одном скромном достижении». Рукопись теперь уже повести, учитывавшая многочисленные пожелания и замечания, насыщенная дополнениями, была наконец-то завершена. При этом она заметно выросла в объёме, одновременно лишившись сведений, не выдержавших проверки, зато обогатившись различными данными из полученных многочисленных писем, каждый факт из которых был тщательно проверен. Теперь же она отправилась в Камчатское отделение Дальневосточного книжного издательства с приложением набора фотографий в качестве иллюстраций.

«На мой взгляд, после учёта критических замечаний и более строгого редактирования отдельных мест она стала не то чтобы солиднее, а по-деловому обоснованной и убедительной. Не знаю, сколько времени уйдёт у рецензентов и специалистов издательства на проверку фактических данных, но думаю всё же, что на этот раз дорога в печать будет короче (в “Камчатской правде” рукопись пролежала и проверялась в общей сложности более полутора лет). Но всё это от меня лично уже никак не зависит».

Казалось бы, что теперь автор может вздохнуть свободнее, но не тут-то было. Его деятельную натуру беспокоили возникшие сомнения в правильности наименования некоторых воинских должностей, точности званий, фамилий, имён и отчеств упомянутых лиц, полученные ими награды и многие другие детали. Разрешение же этих сомнений вновь требовало огромной кропотливой работы. Вот очередной пример подобного рода, содержащийся процитированном выше письме:

«Ко мне как-то обратилась с письмом жена бывшего помпотеха 428-го гаубичного артполка П. М. Виноградова — З. В. Гнездилова. Я ответил ей и спросил, не знает ли она, как звали командира полка подполковника Пирогова. Она отозвалась и сообщила, что Пирогова звали Иваном, и далее приписала: “А каково отчество, не могу вспомнить, это было давно...” После этого я провёл целый день в картотеке наградного отдела Главного управления кадров Министерства обороны, перебрал карточки сотен Иванов Пироговых, но

нужного не нашёл. Не поможете ли Вы мне в этом? 428-й гаубичный артполк осуществлял огневую поддержку вашего 138-го стрелкового полка и Вы, наверное, часто встречались с Пироговым...» [ККМГИ 30490/305].

18 мая 1982 г. Акшинский в послании ветерану 138-го стрелкового полка, в 1945 г. капитану, командиру 2-го батальона Александру Николаевичу Суханову, жившему в Перми, заметил, что хоть рецензенты и не заметили некоторых изъянов рукописи, но его они беспокоят. «Суть их состоит в том, что в отдельных местах участвовавшие в боях роты противотанковых ружей и миномётные роты значатся как полковые, в других — как батальонные. В действительности такого разноречия, наверное, не было, и все линейные полки имели одинаковую структуру. В связи с этим у меня к Вам такая просьба: пришлите мне, пожалуйста, схему построения и управления обычного (не отдельного) стрелкового полка, каким был и ваш 138-й полк...» [ККМГИ 30490/242].

Менее чем через месяц, 10 июня 1982 г., в письме Павлу Поликарповичу Парфёнову, жившему в Харьковской области, Василий Семёнович сообщил, что продолжает дополнять и шлифовать текст газетного очерка «Победа на Курильских островах», уточняет отдельные моменты, устраняет неточности и готовит его к отдельному изданию. «Недавно Дальневосточное издательство (Камчатское отделение) сообщило, что новая рукопись прошла рецензирование в Главном политическом управлении Советской Армии и Военно-Морского Флота и в Институте военной истории Министерства обороны СССР. Прислали мне их замечания, советы и пожелания, просят ускорить присылку им рукописи с учётом этих требований. Вся эта работа мною уже закончена и отправлена в Петропавловск. Однако до выхода книги в свет ещё далеко: нет издательского договора, не выделен редактор, не установлен объём книги, не определён срок выпуска её в свет. На всё это издательству понадобится год-полтора...» [ККМГИ 30490/229].

Венцом этого напряжённого труда и стала книга «Курильский десант». Её готовая рукопись пошла в набор 10 января

и была завершена печатью в марте 1984 г. Повесть быстро разошлась по заявкам ветеранов, причём многие её раздобыть так и не сумели. Распространением тиража в Петропавловске занимался магазин «Книга — почтой» на улице Тушканова, высылавший экземпляры, стоившие тридцать копеек, наложенным платежом.

20 марта 1985 г. Акшинский писал ответственному секретарю президиума совета ветеранов Тихоокеанского флота Павлу Васильевичу Хрулёву: «Меня сильно подвели книготоргующие организации Камчатки и Москвы, в результате чего я оказался с крайне ограниченным количеством [экземпляров] моей документальной повести “Курильский десант”. Это привело к тому, что я оказался должником перед рядом уважаемых организаций, учреждений и многими боевыми товарищами». Но, видимо, подвернулась какая-то оказия, и теперь Василий Семёнович смог рассчитаться со своим «долгом», передав книгу совету и попутно поблагодарив ветеранов за оказанную помощь в уточнении ряда использованных данных [ККМГИ 30492/317].

Он рассчитывал на переиздание, уточнённое, дополненное новыми сведениями, тем более что об этом просили не только читатели, но и само Камчатское отделение Дальневосточного книжного издательства. Но многолетняя работа «на износ» подорвала его здоровье. Из письма жившему на Ставрополье Ивану Сергеевичу Прудкову: «Ваше письмо получил в больничной палате, куда угодил в связи с болезнью сердца. Принесли родные и сказали: “Вот тебе дополнительное лекарство”. Они знают, что я всегда радуюсь, когда обнаруживается ещё кто-нибудь из тех, кто освобождал Курильские острова...» [ККМГИ 30490/285].

19 сентября 1985 г. он сообщил Г. Ф. Бочкарёву, что здоровье «всё более ухудшается, и я сам в какой-то мере способствую этому, работаю с сильными перегрузками. Уже трижды просил у “Политиздата” отсрочки предоставления рукописи воспоминаний современников о К. Е. Ворошилове. Не справляюсь, подвожу издателей. В связи с этим основательно запустил курильскую тему, хотя и в этом направле-

нии делаю всё возможное. Однако чистовых отработок очень мало, но письма идут, а делать из них выборки, что-то обрабатывать, а тем более отвечать авторам нет возможности. Это меня угнетает, так как я привык быть максимально внимательным к людям...» [ККМГИ 30490/5].

Фрагмент послания от 2 февраля 1986 г. бывшему рядовому бойцу 138-го стрелкового полка Акиму Захаровичу Гепалову: «Только что выписали меня из больницы, где пробыл около двух месяцев... Подлечили немного, но предписали на будущее резкие ограничения в физической и творческой работе, в ходьбе, нормальный сон (а у меня его никогда не было, так как я, будучи журналистом и газетным работником, привык всегда работать в вечерне-ночное время, до двух-трёх часов ночи). Но со здоровьем и предписаниями врачей приходится считаться, иначе можно не справиться с тем, что уже в какой-то мере сделано, а тем более новыми, хотя и скромными планами...» [ККМГИ 30490/318].

Василий Семёнович Акшинский перенёс три инфаркта и скончался 8 апреля 1986 г. на семьдесят четвёртом году жизни...

Теперь подготовкой переиздания занялась его старшая дочь — Наталья Васильевна, указывавшая, что она «была в курсе папиной работы» [КОКМ ОФ 33446]. По его черновым наброскам, консультируясь с ветеранами десанта, особенно с Иваном Демидовичем Христенко, написавшим предисловие ко второму изданию, и Василием Васильевичем Зобниным, она подготовила необходимые материалы, составила приложение «Сведения о присвоении званий, почётных наименований, вручений наград участникам Курильской десантной операции» и отправила их в Петропавловск, в издательство, ещё в марте 1987 г.

Но вторично выпустить книгу удалось только в августе 1995 г., к пятидесятилетию завершения Второй мировой войны. Её основной текст остался практически неизменным, но были устранены разночтения фамилий и инициалов действующих лиц, другие неточности, вкравшиеся в первое издание. Тираж же этого издания был ещё меньше, чем

первого — всего полторы тысячи экземпляров. Наступившие к началу 1990-х гг. в России времена к большому не располагали...

Известно, что Василий Семёнович начал осуществление ещё одного творческого замысла. Ниже приведена значительная часть его обращения, датированного 7 апреля 1983 г., в подмосковный Подольск, в Центральный архив Министерства обороны СССР. Из него хорошо видна предварительная исследовательская работа, проведённая им по опубликованным в открытой печати сведениям, касающимся только одного и весьма узкого вопроса — количества гражданских судов, задействованных в доставке десанта к островам.

«В настоящее время я работаю над рукописью новой книги — “Освобождение Курильских островов. О массовом героизме советских воинов в Курильской десантной операции”. В связи с этим веду большую поисковую работу, переписываюсь с сотнями участников Курильского десанта, выявляю новые и уточняю уже опубликованные сведения, примеры, факты, боевые эпизоды, данные о наиболее отличившихся тогда бойцах, командирах и политработниках, а также о помощи трудящихся Камчатки нашим войскам в подготовке и осуществлении высадки десанта. При этом, что касается участия в операции команд гражданских морских судов, встречается некоторое расхождение в уже опубликованных изданиях о разгроме японских империалистов в 1945 г. Так, например, в книге В. Н. Багрова “Южно-Сахалинская и Курильская операция. Август 1945” (М.: Воениздат, 1959) сказано, что в Курильской десантной операции участвовало семнадцать гражданских транспортов (с. 42), а в книге М. Г. Гельфонда “Советский флот в войне с Японией”, вышедшей в этом же издательстве годом раньше, названа иная цифра — четырнадцать (с. 124). В книге “Финал” (М.: Наука, 1969) также говорится о четырнадцати транспортах (с. 264), а в книге С. Захарова и других “Краснознамённый Тихоокеанский флот” снова говорится о семнадцати транспортных судах, но в их перечислении названы лишь тринадцать: “Пугачёв”, “Чапаев”, “Коккинаки”, “Урицкий”, “Мен-

жинский”, “Туркмен”, “Буревестник”, “Дальневосточник”, “Красное знамя”, “Москальво”, “Рефрижератор № 2”, “Генерал Панфилов”, “Максим Горький”, “Волховстрой” (с. 234). При этом в общий список гражданских транспортов включён и военно-транспортный корабль “Емельян Пугачёв”. Хочется уточнить эти данные, включить в рукопись подлинное число гражданских транспортных судов и дать их полный список...

Это необходимо ещё и потому, что ко мне обращаются за советами по различным вопросам многие участники Курильской десантной операции, в том числе и гражданские моряки. Один из них — Николай Иванович Одышев, проживающий ныне в г. Астрахани. Он пишет о том, что в августе 1945 г. был четырнадцатилетним юнгой в составе команды гражданского судна “Чапаев” (сухогрузный пароход АКО-флота, приписанный к Петропавловскому морскому рыбному порту. — С. Г.) и вместе с другими членами его экипажа участвовал в переброске морем наших войск из Петропавловска-Камчатского в район Первого Курильского пролива, как и они, подвергался обстрелу японской береговой артиллерии, налётам японских самолётов-истребителей. Однако сейчас ему отказывают в выдаче удостоверения участника войны. Просит совета, но я не могу сообщить ему ничего конкретного, так как не располагаю точными разъяснениями по этому вопросу.

В связи с этим прошу разъяснить, какие рекомендации следует мне дать Н. И. Одышеву с учётом того, что он будет обращаться в местный военкомат, а последний, рассматривая его заявление, — в Центральный архив Министерства обороны СССР. Буду признателен Вам и за совет, как мне поступать в дальнейшем в подобных случаях...» [НВФ 2436/2].

Своим новым замыслом 14 декабря 1984 г. он поделился с жившим на Кубани Петром Фёдоровичем Величко: «В настоящее время я работаю над рукописью новой, более обстоятельной книги, — “Освобождение Курильских островов. О массовом героизме советских воинов в Курильской десантной операции”. В ней будет исторический раздел, более широкий

показ боевых действий, даны сведения о природных богатствах Курил и новой жизни на островах. Завершится она послесловием на тему: “Агрессивные планы японских реваншистов обречены на провал”...» [ККМГИ 30490/214].

К сожалению, рукописью этой книги наш музей не располагает, и об её судьбе мы ничего не знаем...

Бросается в глаза тот факт, что в приведённом выше обращении в Подольский архив, наряду с разрешением интересующего его серьёзного и порядком запутанного исследовательского вопроса, Василий Семёнович пытается помочь совершенно незнакомому ему человеку. Это было для него нормой, и очень часто именно его ходатайства становились решающими в разрешении той или иной людской сложности.

Показательна переписка о восстановлении справедливости в отношении пропавшего без вести на Курилах рядового бойца Д. И. Николаева. 25 января 1979 г. к Акшинскому обратилась «мать-старушка с Алтайского края, г. Барнаула». Фрагмент её письма, написанного чужим почерком: «...Мой сын Николаев Дмитрий Иванович, 1914 г. р., был взят на фронт с Камчатки, г. Петропавловск, бить японцев, там и погиб. Нет ни похоронки и никакой весточки о том, где и как погиб он. Прочитав в газете “Алтайская правда” Вашу статью “Никто не забыт, ничто не забыто”, я попросила людей написать Вам письмо. Возможно, кто из Ваших сослуживцев знает что о моём сыне. Я писала везде, но ответ один: был взят на войну с Японией, и нет в списках живых и погибших. Пусть он простой солдат, но он погиб, защищая нашу Родину. Прошу убедительно, сообщите, если что узнаете...»

Ответ В. С. Акшинского от 28 января 1979 г.: «Глубокоуважаемая тов. Адонина! Извините, что не называю Вас по имени-отчеству, об этом в Вашем письме не было сообщено. Прежде всего, хочется посочувствовать Вам и пояснить хотя бы в двух словах о том, в каких условиях приходилось нам — воинам Камчатского оборонительного района — участвовать в Курильской десантной операции, освобождать Курильские острова. Мы высаживались на остров Шумшу с боевых кораблей и десантных судов под огнём противника, до

берега приходилось плыть в одежде, с оружием. Многие тогда были убиты, ещё не добравшись до берега, многие утонули. От них не осталось никакого следа. Поэтому так трудно ведутся поиски погибших тогда бойцов и командиров. Возможно, и Ваш сын был одним из них.

Но давайте всё же попробуем ещё и ещё раз поискать хоть какие-нибудь сведения о Вашем сыне, погибшем за Родину, ДмитриИ Ивановиче Николаеве. Для этого надо, прежде всего, знать, в каком полку, батальоне он служил, номер его части, подразделения (наверное, он сообщил об этом в своих письмах) — номер полевой почты. Постарайтесь найти всё это и сообщите мне, а я потом пошлю запрос, куда следует.

Одновременно копию Вашего письма я посылаю в Барнаульский горвоенкомат с просьбой прислать к Вам своего работника и выяснить всё, что Вам известно о Вашем сыне...»

Теперь приведём текст его обращения к военному комиссару Барнаула, также датированный 28 января 1979 г.: «Дорогие товарищи! Обращается к вам участник Курильской десантной операции, а в послевоенные годы — ответственный работник аппарата ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР, бывший помощник К. Е. Ворошилова и автор книги о нём, член Союза журналистов СССР Акшинский Василий Семёнович.

В настоящее время я начал работу над рукописью новой книги — о массовом героизме советских воинов в боях за освобождение Курильских островов, материалы для которой собираю по крупицам многие годы. В последнее время для расширения поисков пришлось обратиться за помощью в некоторые краевые и областные газеты, в том числе и в “Алтайскую правду”. Моё обращение к участникам Курильского десанта было опубликовано в вашей краевой газете под заголовком “Никто не забыт и ничто не забыто” (январь 1979 г.). В связи с этим ко мне уже начали поступать некоторые ответы на это обращение.

Среди них было и письмо гражданки Адониной, копию которого посылаю. Она просит помощи в розыске хоть каких-то

сведений о её сыне Дмитрие Ивановиче Николаеве, бывшем солдате, участвовавшем в разгроме Японии и, видимо, погибшем во время высадки Курильского десанта. (Тогда приходилось добираться до берега вплавь, под огнём противника, и многие были убиты или утонули, не добравшись до суши.)

Очень прошу послать к гражданке Адониной вашего работника, чтобы выяснить, в какой части служил её сын, и помочь ей в розыске необходимых сведений о нём по всем правилам, как это делается в официальном порядке... О результатах поисков, если это вас не затруднит, сообщите, пожалуйста, мне...»

Ровно через два месяца, 28 марта 1979 г., мать погибшего воина, а звали её, как выяснилось из этой переписки, Мария Петровна, при помощи соседей написала второе письмо: «Извините, пожалуйста, что ещё раз обращаюсь к Вам со своим горем. Дело в том, что я писала в Петропавловск-Камчатский горвоенкомат, чтобы они сообщили мне данные о сыне. Вот что мне сообщили: “Николаев Дмитрий Иванович, 1914 г. р. (это мой сын) был призван Петропавловск-Камчатским горвоенкоматом 17 июля 1943 г. и направлен в распоряжение командира 373-го стрелкового полка...” И далее: “Николаев Дмитрий Иванович, 1914 г. р., призван Петропавловск-Камчатским горвоенкоматом 30 июля 1945 г. и направлен в распоряжение командира 101-й стрелковой дивизии... Данными о его жене и детях горвоенкомат не располагает”.

У меня уже нет сил больше писать, да и куда, не знаю. Правда, они мне посоветовали написать в архив г. Подольска. Так в Москву, в архив погибших и без вести пропавших, я уже писала. Ответили лаконично: не значится. Вот и всё! Мне уже за сотню лет, и так хочется знать хоть бы что-нибудь о нём! Ехать на Камчатку и начинать поиски я не могу, а здесь его никто не знает. С шестнадцати лет он уехал отсюда на новостройки полуострова, ещё мальчишкой, мой милый сынок...»

17 мая 1979 г. Василий Семёнович отправил Марии Петровне ещё одно послание: «...Давайте попробуем обра-

таться ещё в одно место, где могут остаться какие-то следы об участии в боях Вашего сына. Напишите, пожалуйста, по такому адресу: Москва, К-160, Министерство Обороны СССР, Генеральный штаб... Сообщите им, что Вы просите найти следы Вашего сына... Попросите их помочь, и они должны сообщить Вам всё, чем располагают» [ККМГИ 30490/75—80].

Увы, мы не имеем сведений о том, чем завершились вышеописанные поиски. Зато В. С. Акшинскому удалось разыскать не вручённую вовремя награду — медаль «За боевые заслуги» — бывшему командиру транспортного отделения 138-го стрелкового полка сержанту Н. Ф. Сысоеву. Удостоверения участников войны с его помощью получили освобождавший Корею матрос учебного отряда Тихоокеанского флота И. И. Буков, отмеченный медалью «За победу над Японией», бывшие военнослужащие В. В. Ельцова и З. В. Гнездилова. Среди прочего, Василий Семёнович обращался к председателю Ставропольского райисполкома с просьбой помочь в разрешении жилищной сложности вдове погибшего воина В. Ф. Подановой [ККМГИ 30490/35].

А вот благополучное разрешение ещё одного квартирного вопроса — рядового 138-го стрелкового полка Ивана Афанасьевича Коногорского. Во второй половине 1979 г. он обратился к Акшинскому «...с большой просьбой, прошу, не откажите, пожалуйста. Я написал жалобу насчёт того, что я не могу добиться квартиры. Решил написать в Министерство обороны и хочу Вас убедительно попросить о передаче моего заявления нужным людям, которые защищают нас, участников войны. Я знаю, что вы сильно заняты, у Вас много работы, но прошу Вас — помогите...» [ККМГИ 30490/259].

4 октября 1979 г. Василий Семёнович отправил письмо-ходатайство самому министру обороны СССР. Оно сработало, хотя и не сразу: ордер на новое жильё бывший воин получил 1 октября 1983 г. «Пишу это я всё из своей квартиры. Мне кажется, не из моей, а из Вашей, Вы мне дали, а ни кто-нибудь...» [ККМГИ 30490/253].

В следующем послании И. А. Коногорский вновь высказал слова признательности: «Я не могу себе представить, как

вас благодарить за Ваше беспокойство о простом русском человеке. Это только делают люди с высокой сознательностью...» Здесь же он привёл бесхитростный рассказ о своей молодости: «Когда началась первая пятилетка (1928—1932 гг. — С. Г.), я уже был почти рабочий, но на самом деле я только был “мальчишкой” в булочной. Не понимал, что было, и что будет, был деревенским мальчишкой. Когда началось раскулачивание, у нас организовали комсомольскую ячейку, вступило в неё только три-четыре человека. Меня избрали секретарём ячейки, так как был сильно бедовый.

Моей группе дали задание: подсмотреть, где кулаки закапывают хлеб, а я уже знал и дал слово найти. И вот вся моя группа это сделала на секретном заседании актива сельсовета. Через окно выстрелили в меня в шею, после этого меня увезли в Иркутск на операцию. Вот я и остался рабочим, по специальности пекарь-кондитер, впоследствии мастер всех видов хлеба, инструктор хлебобулочных изделий. В 1946 г. Петропавловский горком направил меня заведующим производством хлебосухарного комбината в тот тяжёлый послевоенный период...» [ККМГИ 30490/251].

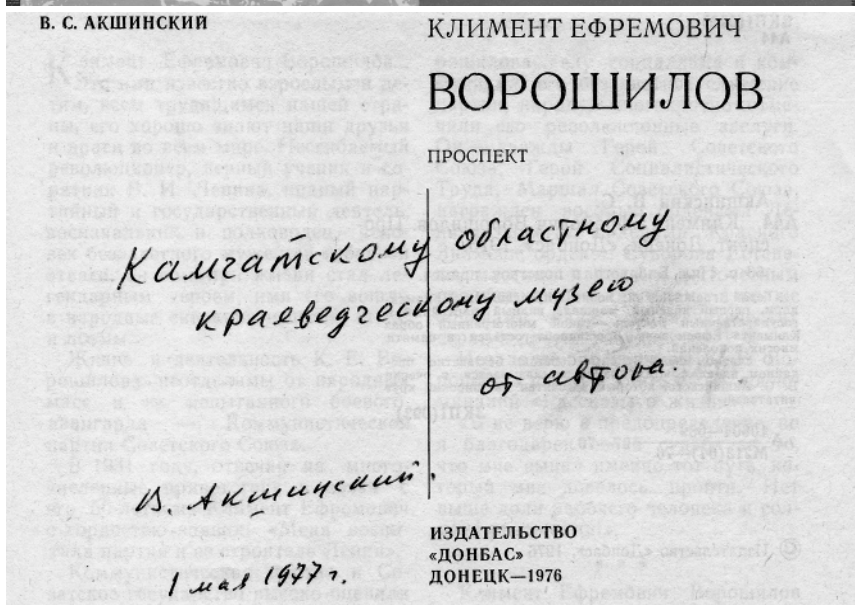
По ходатайству В. С. Акшинского также подготовлено подтверждение для получения звания участника войны Ф. Г. Гордееву, жившему в Новосибирской области. «В связи с Вашим запросом сообщаю, что 198-й стрелковый полк, в котором Вы служили... принимал участие в Курильской десантной операции в августе 1945 г. В то время он находился в резерве командующего операцией, а в момент провокации японской военщины во Втором Курильском проливе (обстрел артиллерийскими батареями наших кораблей после подписания акта о безоговорочной капитуляции) был введён в действие и достойно выполнил свою задачу. Об этом не раз говорил мне лично командующий Курильской десантной операцией ныне покойный генерал-лейтенант А. Р. Гнечко, что подтверждается и таким авторитетным изданием, как книга “Финал”... под общей редакцией Маршала Советского Союза М. В. Захарова (М.: Наука, 1969). В этой книге на с. 290 говорится: “...наименование «Курильских» было при-

своено... 198-му отдельному полку"... Совершенно очевидно, что если бы ваш 198-й стрелковый полк не принимал участия в боевых действиях, то он не был бы удостоен столь высокого почётного наименования. Сообщаю всё это для представления в военкомат по месту Вашего проживания» [ККМГИ 30490/57].

Характерна для него и попытка посодействовать в зачислении слушателем Академии МВД СССР в 1979 г. следователю, старшему лейтенанту милиции, имевшему огромное желание учиться, но немного превысившему «возрастной ценз», необходимый для поступления. «Как только позволит мне здоровье, побываю в академии и поговорю с её начальником...» [ККМГИ 30492/83].

Уместно будет упомянуть здесь лишь о двух из множества его усилий установить родство между павшими в боях воинами и безуспешно разыскивавшими своих отцов давно ставшими старше их детьми. Вот что писал дагестанец С. П. Багаутдинов: «В обзоре писем рубрики "Поиск" газеты "Дагестанская правда" упоминается о Вашем письме в газету. В статье указывается, что в военных действиях на Дальнем Востоке против японских милитаристов мужественно сражались и сыны нашего Дагестана. В частности, Вы отмечаете какого-то сержанта Балаутдинова. У нас в Дагестане фамилии "Балаутдинов" нет, есть только фамилия "Багаутдинов" от имени "Багаутдин". Я убедительно Вас прошу, как бывшего парторга полка, вспомнить, может быть этого сержанта фамилия была Багаутдинов, по имени и отчеству Пайзулла Багаутдинович. Он был коммунистом. Он мой отец, пропавший без вести на войне» [ККМГИ 30492/115].

Ответ Василия Семёновича: «Ничего определённого об этом сказать не могу... Буду проверять сообщённые Вами сведения, а пока что принимаю их к сведению, и если выясню что-нибудь новое, обязательно Вам сообщу. Нет ли у Вас сведений о том, в каком полку и кем служил Ваш отец, а может быть, он был моряком — членом экипажа боевого корабля? Сохранились ли его письма, не сообщил ли он о получении боевых наград?» [ККМГИ 30490/114].

Проспект книги В. С. Акшинского «Климент Ефремович Ворошилов», изданный в Донецке в 1976 г. [Д 1403]

Дорогой Георгий Филиппович!

Ответ Вам получил и с полным пониманием отношусь ко всему тому, о чем Вы сообщаете.

Для написания задуманной книги у меня с лихвой и материалов, и личных впечатлений, нет лишь, к сожалению, здоровья и времени. А то что я попытался подключить к осуществлению этого замысла и Вас, ~~из~~^{было} было лишь естественное желание узнать что-то новое о тех деталях нашего военного быта, о которых и самому достаточно хорошо известно. Так что пусть у Вас не останется даже малейшей неловкости от того, что Вы вроде в чем-то мне отказали.

Однако, поскольку мы установили дружеский контакт, хотелось бы получить от Вас хотя бы очень краткую схему организации отдельного стрелкового батальона той поры и небольшие пояснения к ней, чтобы было ясно, как могла проводиться тогда боевая учеба личного состава батальона применительно к боевой обстановке на Западе и с учетом возможных схваток с вероятным противником на Востоке. Может быть это пригодится в работе, так как я стремлюсь к максимальному сужению фронта показа событий, чтобы отчетливее выделить отдельных людей - бойцов, командиров и политработников и более подробно показать обстановку, в которой проходила тогда их жизнь, боевая и политическая учеба. Было бы хорошо, если бы Вы выбрали время для опроса в этом плане своего личного опыта в то время, когда командовали отдельным стрелковым батальоном. Но если Вы и не сделаете этого, никаких претензий к Вам, разумеется, у меня не будет.

Было приятно узнать Ваше мнение о моих стихах: мне трудно самому судить о них, но в каждое я вкладывал частичку сердца. Хочется собрать неопубликованные во второй сборник, но как-то не доходят руки до этого. Не хватает времени и для работы над новыми - днем одолевают всякие нестыдные заботы, а ночью не позволяют работать врачи. А я, как смч, привык бодрствовать в ночное время, когда все добрые люди крепко спят /старая редакторская привычка/.

Большое Вам спасибо за сообщенные адреса. Не знаю, воспользуюсь ли я ими, но все же не плохо иметь их под рукой.

Второе издание моей книги о К.Е.Ворошилове уже печатается. Как только получу авторские экземпляры, один из них обязательно пошлю Вам как обещал.

От всей души желаю Вам и Марии Михайловне всего доброго.

58

Вам

В. Акшинский

В.Акшинский.

27 марта 1976.

Письмо В. С. Акшинского Г. Ф. Бочкарёву от 27 марта 1976 г.
[ККМГИ 30490/68]

Дорогие товарищи - сотрудники
Камчатского областного
краеведческого музея!

ПРИМИТЕ
СЕРДЕЧНЫЕ
ПОЗДРАВЛЕНИЯ
С ДНЕМ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
СОЛИДАРНОСТИ
ТРУДЯЩИХСЯ
1 МАЯ!

От всей души желаю всем
вам добра и счастья, успехов
во всех делах, крепкого здоровья
и большого душевного подъема на
многие, многие годы.

С зл. ув. В. С. Акшинский

Поздравление с 1 мая 1977 г., адресованное В. С. Акшинским
сотрудникам Камчатского областного краеведческого музея

[Д 1403]

Позже выяснилось, что фамилия сержанта была всё-таки Балаутдинов, а сам он оказался уроженцем не Дагестана, а Средней Азии.

Живший в Тамбовской области Николай Петрович Коновалов 1 марта 1983 г. написал следующее письмо: «Уважаемый Василий Семёнович! Прочитал Вашу статью в “Мичуринской правде” — “Никто не забыт и ничто не забыто”. Вы пишете: отзовитесь, освободители Курильских островов! Прочитал, и мне стало беспокойно на душе. Узнал о героических сражениях наших советских солдат, матросов и командиров, где вновь повторили подвиг Александра Матросова. Особо мне запало в душу, как мужественно при схватках с противником проявил себя наводчик одного из орудий 2-й батареи 279-го артполка младший сержант Пётр Коновалов. Он подавил несколько японских огневых точек и погиб от осколков вражеского снаряда...

Мне очень и очень хочется знать о Петре Коновалове, так как я, возможно, его сын, а он мой отец. Как его отчество, год рождения, откуда он родом? Я ведь только и знаю — погиб. Перед войной мы жили в Москве, отец работал в милиции. С Красной площади пошёл в бой под Волоколамском. И на этом всё... Если можете, то напишите подробнее о Петре Коновалове...» [ККМГИ 30492/238].

6 марта 1983 г. ответ был готов: «С болью воспринимаю Ваш вопрос о Петре Коновалове, который мог быть Вашим отцом, которого Вы не помните. С болью потому, что как Вы пишете, перед войной жил с семьёй в Москве и работал в милиции, пошёл в бой под Волоколамском. Но Ваш отец и тот, о ком сообщаю я — разные люди. Упоминаемый мною Пётр Коновалов (его отчества я не знаю) служил в армии с 1939 г., а призывался в ряды Красной Армии одним из военкоматов Сибири...» [ККМГИ 30492/237].

Впрочем, однажды его стремление посодействовать встретило непонимание и даже обиду. Так, двадцатипятилетний инвалид детства обратился с довольно странной просьбой помочь в приобретении запчастей для магнитофона, объясняя это тем, что «в московских магазинах есть всё». Его пись-

мо было переправлено в ЦК ВЛКСМ с предложением «поручить комсомольской организации какого-либо завода звукозаписывающей аппаратуры или города, где он расположен, взять культурное шефство, оказать помощь в ремонте и приобретении некоторых деталей...» Это вызвало возмущение молодого человека: «Зачем Вы переслали то моё письмо, где я рассказал о себе и просил помочь мне купить кое-что, в том числе магнитофон или детали за мой счёт, конечно, то есть за мои деньги, которые я выслал бы Вам... А если не могли, то ответили бы мне, и всё, на этом бы и кончили. А то превратили то моё письмо в жалобу призывающего к помощи материальной, мол, мне нужен магнитофон, купите...» [ККМГИ 30490/46, 48].

В заключение же приведём слова родных, отлично характеризующие личность автора «Курильского десанта»: «Он с первых минут располагал к себе любого собеседника искренним интересом к нему, вниманием и доброжелательностью, умением быстро вникнув в суть проблемы, активно помочь советом и делом. При этом всегда оставался оптимистом, скромным, добрым и весёлым, готовым поддержать шутку, заразительно рассмеяться.

Василий Семёнович был очень любознательным, всю жизнь занимался самообразованием, много читал, много знал и умел многое делать своими руками, всю мужскую хозяйственную работу. Всем занимался с азартом и был трудоголиком, великим тружеником и бесребреником...»